

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ГО

ИГОРЬ ГРИШИН

Го учит видеть!

Игорь Гришин
Клуб любителей Го

«ИП Емельянов»

2011

Гришин И. А.

Клуб любителей Го / И. А. Гришин — «ИП Емельянов»,
2011 — (Го учит видеть!)

Героическая книга для героического читателя. Рамка повествования охватывает половину земного шара и простирается от доисторических времён до наших дней. Это книга-вызов. Кто победит в смертельном противостоянии за древний и могущественный артефакт? И где проходит черта между многоходовой игрой и безумной реальностью? Книга не рекомендована детям до 16 лет, сотрудникам МИД, членам комиссии по фальсификации истории, руководству музея палеонтологии РАН, бывшим политтехнологам, некоторым представителям российского бизнес-сообщества, последователям восточных околорелигиозных культов, любителям японской кухни, игрокам го.

© Гришин И. А., 2011

© ИП Емельянов, 2011

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Гришин

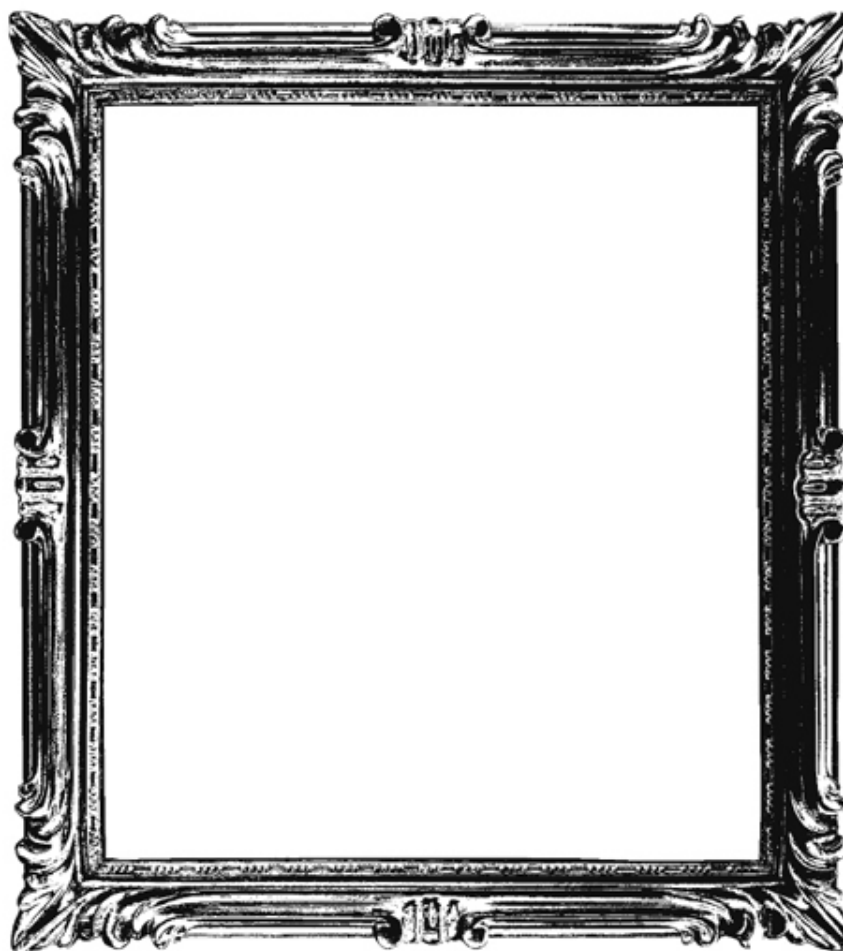
Клуб любителей Го

Истина требует не только жертв, но и Учителя.

С экрана рвались резкие гортанные голоса. Некоторые вызвали во мне нескрываемую симпатию. Некоторые откровенно испугали. Я понимал, что герои, подобные этим, никогда не спросят разрешения на появление. Многие из них обладают не только сильной волей, но и настоящей, а не мнимой свободой. Как можно организовать то, что проявляет себя таким образом?

Немного мистики. Игорь говорил, что каждый человек, которого он встречал на определённом отрезке жизни, стремился открыть клуб любителей Го. Эта мысль показалась мне пафосной и преувеличенной. Я точно знал про себя – я не собираюсь открывать клуб, а тем более клуб любителей какой-то игры. Каково же было моё удивление, когда я вспомнил об этом. А вспомнил я уже после того, как рукопись, став книгой, приобрела именно это название. Получается, я тоже открыл свой «Клуб любителей Го»?

*Максим Набоков, выпускающий редактор
издательства «Готовая книга»*

Глава 1

Щипцы из хирургической стали

– Почему ты никогда не рассказывал, в какую опасную игру мы играем? – спросил я.
– Во-первых, рассказывал, во-вторых, ты всё равно не поверил бы, и это ничего не добавило бы к ситуации.

Мы стояли на самом краю лесной дороги и мочились на сухие листья, устилающие землю сплошным ковром. Мне нравилось мочиться одновременно с Учителем. Это удавалось не всегда, а только в особые моменты близости с ним. Моменты, возникавшие перед очередным испытанием. Даже после недолгого пребывания в горах моча перестаёт быть просто мочой. Учитель говорит, что она становится могущественным эликсиром, жидкостью способной трансировать мысли!

Начав подъём в восемь вечера, к десяти мы достигли места, которое я описывал в записях, начатых 12 лет назад. Два или три участка показались мне слишком тёмными. Учитель замедлил шаг, опасаясь пропустить нужный поворот. Я чуть не налетел на него со спины. Он сделал замечание, что не обязательно так бережно прижимать его к себе. Я отодвинулся. Ущелье делало поворот, а лесная дорога представляла из себя неровные канавы, заполненные водой. Она резала склон, а по её сторонам высились тёмные деревья. Снизу слышались шорохи. Кто-то громко упал метрах в десяти от нас. Учитель даже не оглянулся, и мы двинулись дальше.

Ещё через двадцать минут, пройдя крутой желобообразной тропой, мы вышли на поляну, а затем, протиснувшись через кусты, оказались у подножия скалы, где я не раз бывал с ним. Ночью эта скала казалась гораздо больше, чем днём. Высоко над ней стояли звёзды, а из ущелья слышался звук падающей воды. Я поискал глазами луну. Её не было. Оставалось предположить, что она скрыта за поросшей чёрным ночным лесом горой, закрывающей половину небосвода. На эту гору мы не ходили никогда. Туда не было троп, а её вершина, по словам Учителя, была сплошь завалена покорёженными ураганом деревьями. Я огляделся по сторонам. Склон состоял из плоских камней, напоминающих небольшие плиты. Они лежали в несколько слоёв. Учитель двинулся вверх, а я загромыхал следом.

– Ты не можешь наступать бесшумно?!

– Что это за место? – вполголоса спросил я.

– Это особое место, – прищурился он, – здесь можно увидеть смерть.

– Как это? – спросил я.

– Говорить об этом сейчас не стоит, – Учитель отвернулся, сделал два шага и посмотрел на что-то невидимое для меня. – Вот, – он понизил голос, продвинувшись ещё на несколько шагов, – ты ляжешь сюда, а я завалю тебя камнями.

Продолжая стряхивать с плеча невидимых клещей, я увидел узкую каменную щель. Было трудно оценить, насколько она глубока, и что находится на дне. Оставалась надежда на шутку. Перспектива оказаться в трещине с земляным полом, да ещё заваленным сверху, никак не входила в мои планы. Учитель снял рюкзак и начал сноровисто отбирать более плоские камни.

– Давай забирайся, и я засыплю тебя, – он не собирался как-либо объяснять мои цели и задачи.

– А что я буду там делать?

– Как что? Ты ляжешь. Я завалю тебя камнями, и оставлю там одного.

– Зачем?

– Чтобы ты умер, и больше не мучился, – ответил он серьёзным тоном. – Ведь ты же собирался прыгнуть со мной со скалы? Что тебе мешает умереть сегодня?

Прыгнуть со скалы! При свете дня! После того, что было до того. Да ещё в компании с ним – это было одно. То, что он предлагал мне сегодня, выглядело несколько иначе. Сейчас я вижу, как высоко было моё доверие к обучению. Отступить было немыслимо. Я снял рюкзак, передел футболку, и полез в щель. Она оказалась несколько глубже, чем я ожидал.

– Вот, – сказал Учитель, – и протянул мне что-то.

Я машинально принял в ладонь небольшой камушек. Видимо это было всё, что требовалось для того, чтобы встретить свою смерть. Я зажал его в кулаке, и через минуту забыл о нём. Сначала я созерцал силуэт Учителя, трудящегося над каменным сводом, потом перестал видеть что-либо. Превратившись в слух, я попытался определить, что он делает наверху. Мне показалось, что Учитель ушёл по тропе. Так ушёл или не ушёл?

В каменной яме стало темнее. Гудящая тишина буквально навалилась на меня. Я хотел думать о своём положении, но мысли почему-то не шли в голову. Накатила отрешённость. Она могла быть следствием физической усталости после подъёма, хотя я и рассчитывал на более продолжительное и сложное приключение. А отдых пришёл внезапно и просто. Мне не пришлось ни раскладывать вещи, ни разворачивать спальник. Мой рюкзак находился рядом с моей головой, в нём лежала книга, недавно поступившая в магазины Москвы. Книга фонила чем-то, что не было мной. Наличие этой книги казалось здесь лишним и неуместным. Мне стало неловко. Учитель исчез, и явно не нуждался в моей помощи. Про Москву думать не хотелось, пусть ею занимаются мои литературные враги. Я представил, как они вглядываются в мониторы, пытаясь разглядеть моё присутствие. Пусть тратят свои жизни, пока я буду накапливать свою! Я с удовольствием вспомнил, что отключил телефон ещё внизу.

Постепенно я начал использовать не только слух. Все органы чувств объединились. Никогда ещё моё восприятие не было таким объёмным. Я оказался одновременно и внутри и снаружи каменной ячейки. Прорезался голос ручья. Звон сверчков, казалось, поддерживал весь свод других звуков. Появилось ощущение, что сверчки являются несомненной частью целого. Пространство выглядело наполненным и одновременно стройным. Никто из нас, ни сверчки, ни я не могли управлять друг другом! Я не мог приказать им прекратить один ряд и начать другой. Но это и не требовалось. Они останавливали звук именно там, где его нужно было остановить. И начинали там, где его нужно было начать. Сверчки сверлили пространство в различных направлениях. То ко мне, то от меня, то по диагонали, связывающей нас ещё с чем-то. Я чувствовал, что насекомые не просто гарантируют мою безопасность, а создают её. Они поддерживали в порядке целый угол. И это был не механический монотонный и скучный порядок. Это была живая, стройная и невероятно красивая структура! Любой звук в ней мог прерваться в любую секунду. И в тот же момент начаться вновь. По-другому, с нового тона. И с совершенно новой стороны. И при этом всё звуковое здание в целом не утомляло, а странным образом успокаивало.

Незаметно для себя я начал погружаться во что-то вязкое и тяжёлое. Я не сумел отследить точку перехода, потому что давно находился в совершенно другом месте. Это было каменистое взгорье, над которым раскинулось странное беззвёздное небо. Я шёл по этому плоскогорью уже давно и сумел преодолеть значительное расстояние. У меня на сегодня было какое-то дело, но я не мог вспомнить какое именно. Постепенно панорама начала меняться и я почувствовал, что подхожу к городу. Он начинался за цепью небольших холмов, грядами спускавшихся к побережью. Впоследствии я не раз возвращался к этому воспоминанию, пытаясь понять, как я оказался на этих холмах. В непрерывности восприятия находилась странная брешь. Она имела форму разрыва. Что-то вроде оврага, в который моё умозрение проваливалось, едва подходя к нему.

Был самый конец ночи. Время, когда утренние сумерки создают не только неестественность пейзажа, но и неестественность тебя самого. Город, к которому я приближался, не казался мне незнакомым. Я примерно представлял себе, в какую часть я хочу попасть, и

лавировал по заросшим тропинкам таким образом, чтобы выйти как можно точнее и привлечь меньше внимания. Послышался лай собаки. К ней присоединилась другая, заставив меня крепче сжать кулак с камнем. Я не помнил, где и когда подобрал его. Возможно, это было ещё на взгорье. Благодаря камню я не чувствовал себя безоружным. Он добавлял мне энергии.

У меня на сегодня было одно дело. Одно-единственное. Но, может быть, моя жизнь прерывалась после него. Поэтому мой дух был чрезвычайно прерывист. Я вёл за руку маленького мальчика. Ему было между семью и восемью. Одетый в собственное кимоно, он шёл сосредоточенно и почти не смотрел вперёд, пользуясь тем, что я крепко держал его тонкую руку. Мальчик не отнимал у меня энергии, как это бывает, когда ведёшь ребёнка. Наоборот, казалось, что детская рука, зажатая в моём кулаке, добавляет мне силы и уверенности.

Мы шли к дому Сигэмото. Задача состояла в том, чтобы привести мальчика. Что делать после, не разъяснялось. Я должен был привести сына главы нашего клана к Сигэмото. Приказ мне как самураю гласил: привести мальчика к Сигэмото, так как наш клан проиграл войну. Войну мы проиграли потому, что исчерпали все ресурсы к её продолжению. Мы потратили на эту войну всё, чем располагали, и поэтому больше не могли её продолжать! Моя задача никак не уточнялась и не расписывалась. Это было необычно. Причиной этого, скорее всего, была общая подавленность. Мне не хватало инструкций, и я не представлял, как вести себя во многих моментах предстоящей процедуры.

Подойдя к дому, я постучал висевшим на верёвке молоточком. Было около пяти утра. Время было выбрано как наиболее подходящее для такого деликатного дела. Нам открыла женщина. Её лицо было худым и морщинистым. Только огромные глаза с тёмными тенями выделялись на нём. Сэнсэй был дома, и почти сразу вышел к нам. Посмотрев на мальчика, он кивнул. Мы разулись и сели у стены. Я ещё раз пожалел, что не имею ни одной инструкции о том, что делать дальше. Самое лучшее было уйти, не заходя в дом. Но я не смог или не успел этого сделать. К тому же я не был уверен в том, что исполнил своё поручение до конца. Я не получил команды ни от Сигэмото, ни от его женщины, ни от собственного сердца. Оно молчало, и я почти не чувствовал его ударов.

Сэнсэй оставался в комнате, а я краем глаза следил за его движениями. Помещение было довольно большим. Его раздвижные сёдзи¹, видимо, вели в сад, который наверняка располагался за домом. А что если он собирается зарубить мальчика прямо здесь? В этой комнате и на моих глазах? Я моментально взмок от этой мысли. Ведь если это произойдёт, то я не смогу ни вмешаться, ни защитить ребёнка, а ужасное воспоминание вцепится в меня, и будет преследовать всю жизнь! Я срочно нуждался в помощи, но помощь не приходила.

Мальчик продолжал сидеть неподвижно, женщина закрыла его лёгкой ширмой. Мне стало легче. Ребёнок вёл себя как самурай. Он сидел, не издавая ни звука. Наш клан велик, подумал я, если мы можем рожать и воспитывать таких детей! Сигэмото подошёл к ширме и положил на маленький столик листки. Неожиданно я увидел, что это черновики с присвоенными кю². Я успел увидеть фамилию известного писателя. Напротив иероглифов, обозначающих её, стояло 3–4 кю. А на стене я внезапно увидел странную каллиграфию. Было такое ощущение, что кандзи³ вывела неумелая рука. Но под этой кажущейся неумелостью прятался истинный Мастер. «Общество ценителей смерти» гласило изображение. Моё дыхание перехватило! Я так и знал, что он сделает это прямо в комнате! У меня оставался один маленький миг для того, чтобы изменить хоть что-то. Листки! Этот шанс упускать было нельзя!

¹ Рамы из лёгких деревянных планок, заменяющие в традиционном японском жилище окна (*япон.* – в дальнейшем переводы с японского не оговариваются).

² Ученическая степень в японских школах боевых искусств.

³ Иероглифы.

– Простите, сэнсэй, – сказал я хриплым голосом, звук которого удивил меня самого. – Эти листки... те, которые Вы держали в руках... Извините, я не хотел, но я заметил фамилию своего знакомого. Я не знал, что он учится в Вашей Школе. Я хочу сказать, что это хорошо, если Танака-сан получит четвёртый или даже третий кю. Он очень, очень достойный человек и прекрасный писатель!

– Вы находите? – спросил Сигэмото.

Казалось, что он только сейчас заметил моё присутствие. Он смотрел, ожидая продолжения выступления. Моя позиция была крайне неустойчивой. «Меч» еле держался в моих руках, а сердце я не чувствовал совсем. Оно провалилось куда-то вниз. Куда-то ниже уровня татами. Я не был знаком с Танакой. И никак не мог быть его другом. Танака – модный писатель, а я – простой самурай. Я представил Танаку в дорогом ресторане, окружённым людьми. А вот он тренируется в кэндзюцу⁴ и сам сэнсэй правит его камаэ⁵. Такие люди как Танака платят в школу живые о-канэ⁶. А такие люди как я учатся за выполняемые поручения. Но что мне оставалось делать? Это была единственная зацепка, которую мне протянула судьба. Ведь наши судьбы сегодня оказались пересечены, подобно пересечению, на которое ставится камень Го. И я только что поставил на этот перекрёсток свой камень. Свой чёрный ученический камень! Ведь в Го чёрные ставят первыми. Сигэмото увидел мою постановку. И не смог не начать игру. Ведь он великий сэнсэй. Страшный и безжалостный человек. Стратег, играющий судьбами и камнями.

– Да, я рад за Танака-сан.

Я был обязан теперь называть Танаку, используя приставку «сан», ведь я представился как его друг. При этом я не мог и не имел права этого делать, так как Танака в обращении для меня – сэнсэй. Он писатель. Принятый обществом человек. Сигэмото изучающее смотрел на меня. Казалось, он рассматривает подозрительное насекомое, которое залетело на огонь его лампы. Мне показалось, он решает, что делать. Убить сразу или просто оторвать крылья, чтобы насекомое не билось в стекло и не мешало читать.

– Танака готовится стать настоящим японским писателем, – проскрипел он. – У него есть все шансы создать из своей жизни величайшее полотно. Полотно самурая! Вам нравится его комментарий к кодексу Бусидо?

Мне показалось, что ему совершенно не интересен ответ. Тем не менее, он вежливо ожидал моей постановки. Что ж, подумал я. Если так, то я имею право потянуть время. Я посмотрел на морщинистое лицо, оборудованное щёлочками-бойницами для глаз, и попытался представить себе, как он собирается осуществить задуманное. Это оказалось нелегко. Я заставлял свой дух следовать за умозрением. В конце концов, мне представилось, как он разрубает мальчика пополам. Именно пополам. В этом я увидел ката⁷, которое могло заинтересовать такого человека, как он.

– К сожалению, я не читал комментария Танака-сан, – наконец выдавил я. – Я пока должен работать над самим кодексом. Комментарии к нему – не для таких молодых самураев как я. Извините!

– Жаль, – щёлочки сузились. На какой-то миг мне показалось, что его зрачки встали вертикально, как у тигра. – Жаль, молодые самураи должны тратить как можно больше времени на изучение нового. Когда же изучать новое как не в юности? Вы боитесь попробовать новое?

Его немигающий взгляд с каждым произнесённым словом гвоздями прибавал меня к татами. Я понял, что мне не уйти из этого дома! Это странно, ведь я был свободен. По сути,

⁴ Искусство меча.

⁵ Стойку.

⁶ Деньги.

⁷ Форма.

я исполнил свой гири⁸. Я привёл мальчика туда, куда мне было приказано его привести. К глубокому сожалению, я не получил более детальных указаний от секретаря клана. И именно это было единственным адзи⁹, на котором я сидел сейчас, как килем на мели.

– Я не боюсь, сэнсэй.

– Так попробуйте! Нани-ка атарасии¹⁰.

– Хорошо, я обязательно прислушаюсь к Вашим словам.

– Это хорошо, что Вы отвечаете мне подобным образом. Когда молодые слушают стариков, империи ничего не угрожает. Вот, возьмите это!

В его руках блеснул предмет, который я не успел разглядеть. Он сделал попытку пригнуться, но вежливость заставила меня опередить. Поднявшись на одно колено, и сделав несколько небольших полушагов, я приблизился и принял в руку холодный металл. Вернувшись к своей стене, я медленно разжал ладонь, и почувствовал, как сердце ёкнуло. Это были металлические щипцы из тяжёлой хирургической стали.

– Я даю Вам прекрасную возможность попробовать что-то новое и исполнить свой долг самурая! – резко и гортанно выговорил Сигэмото.

Холодный пот добрался до моего лба.

– Я отдаю себе отчёт в том, что Вы принадлежите другому клану и не обязаны выполнять мои приказания. Поэтому я не приказываю Вам. Я предлагаю Вам прекрасный выход. Вы спасёте своё лицо и выйдете из трудной ситуации. Ведь Вы не видите из неё выхода? Так? Котаэтэ кудасай¹¹!

Ну вот, сказал я себе. Это случилось. Он поймал меня.

– Что я должен сделать?

– Ничего сложного! Поставьте свой безымянный палец в эти щипцы и откусите его выше второго сустава.

Я был ошеломлён. Я так и знал, что вляпаюсь в доме Сигэмото в какую-то ужасную ситуацию. Не случайно я почти не спал эту ночь, а в предыдущие меня мучили кошмары. И вот он, кошмар наяву! Я держал в руках стальные щипцы, тупо глядя на них. Они были странные. Я сначала не понял, в чём именно заключалась странность. Но потом увидел, что лезвия слишком маленькие для того дела, которое предлагалось к исполнению. Лезвия были слишком маленькие, а сам рычаг, скорее всего, недостаточен, чтобы перекусить кость с первого раза. Было очевидно, что я не справлюсь такими щипцами. Даже если бы эта идиотская идея действительно захватила моё сознание, то это был неподходящий инструмент. Я не смог бы перекусить кость с первого удара, а на второй, третий и так далее у меня могло не хватить ни сил, ни решимости. Я был в ловушке.

С точки зрения логики самурая это был действительно неплохой выход. Я не мог появиться в клане без ребёнка, хотя привести его в этот дом и было моим приказом. Не мог появиться, так как моё появление было бы хуже, чем явление призрака. И стало бы напоминанием произошедшей трагедии. А появиться без ребёнка и без пальца, было ещё «куда ни шло». Сигэмото давал мне выход, но чтобы воспользоваться им, мне не хватало намерения и точного орудия.

– Я не предложил Вам чаю, – произнёс хозяин дома. – Ничто не может являться оправданием невежливого приёма. Я сам заварю его!

Он поднялся, и подошёл к низкому шкафчику красного дерева. Нехорошее чувство прошло внизу моего живота. Этот чай никак не входил в обычный этикет. Здесь было что-то не

⁸ Долг.

⁹ Вкус, привкус, возможность (термин японского Го).

¹⁰ Что-то новое.

¹¹ Отвечайте, пожалуйста!

так. Теперь я не отделаюсь даже пальцем. А скорее всего, мне вообще не выбраться из этого дома. О бегстве не могло быть и речи, так как лицо самурая важнее жизни. Поединок также исключался, так как я был уверен, что он не даст мне ни единого повода. Он полностью управлял всеми ситуациями! Моё воображение послало мне неожиданную картину. Я увидел, как мы сначала пьём чай, я отрезаю палец, потом он разрубает ребёнка моего господина, а затем приказывает сварить из мальчика суп и заставляет меня есть его вместе с ним. Сигэмото повернулся ко мне. В его руках был маленький деревянный поднос с двумя чашечками, чайником и двумя плоскими сухой заварки. Голосом он приказал кому-то в доме подать кипятка. Пить этот чай было нельзя! Сигэмото приблизился ко мне и опустился вместе с подносом. Я увидел сухую заварку. Что-то подобное я примерно и ожидал увидеть. Я никогда не видел, чтобы это заваривали в чай!

Это были неизвестные мне ингредиенты. Пока я разглядывал нечто отдалённо похожее на разноцветные сушёные водоросли, мой мозг непрерывно работал, а в моих висках стучала кровь. Я ещё успел взглянуть на женщину, которая несла термос. Моё состояние походило на сновидение. Все события в нём соединялись и разделялись. Женщина, Сигэмото, строго выговаривающий ей. Её безымянный палец замотан марлевым бинтом. Иероглифы на стене. Детский всхлип-вздых. Сухая заварка странного происхождения. Всё это слилось в цветной засасывающий водоворот. Сначала я пробовал в нём плыть, а затем течение подхватило меня и неудержимо понесло куда-то в сторону и вверх с такой силой, что я понял, что нужно делать. Для нас, японцев, это самое важное. Нерешительность – вот наша беда! Но когда решение принято, японскому действию могут позавидовать другие народы.

Сэпuku¹² допускает помощника. Он нужен для того, чтобы довести её до конца. Ведь умереть от вспоротого живота не так-то просто. Квалификация помощника должна быть очень высокой. Он, находясь сзади и не видя лица, должен определить момент, в который необходимо помочь. Это не отследить хронометрически. То, что является долгим для одного, может быть кратким для другого. А слишком быстрая помощь может свести к позору весь ритуал. Она будет означать, что самурай боялся и заранее попросил избыточной поддержки. Но, тем не менее, помощь допускается, и значит, её можно попросить. В этой комнате есть человек нашего клана. После того, как моё решение созрело, я более не сомневался в нём. Я подойду к ширме, вставлю палец в щипцы, и если после одного-двух ударов у меня ничего не получится, то я протяну палец сыну господина, и он отрубит его своим маленьким мечом!

Я вставил палец, резким движением поднялся с татами, и в несколько шагов достиг ширмы. Затем произошло несколько одновременных событий. Я откинул ширму, нажал на щипцы и увидел, что за ширмой нет мальчика. В этот же момент сильнейший толчок в спину буквально опрокинул меня. Он был подобен врезавшемуся в меня автомобилю. Удар пришёлся между лопаток, и скорее всего, имел цель изменить мою траекторию. Но так как она изначально была сложной, то удар не изменил её, а ещё более усложнил. Я повернулся на месте и упал на то, что находилось за ширмой.

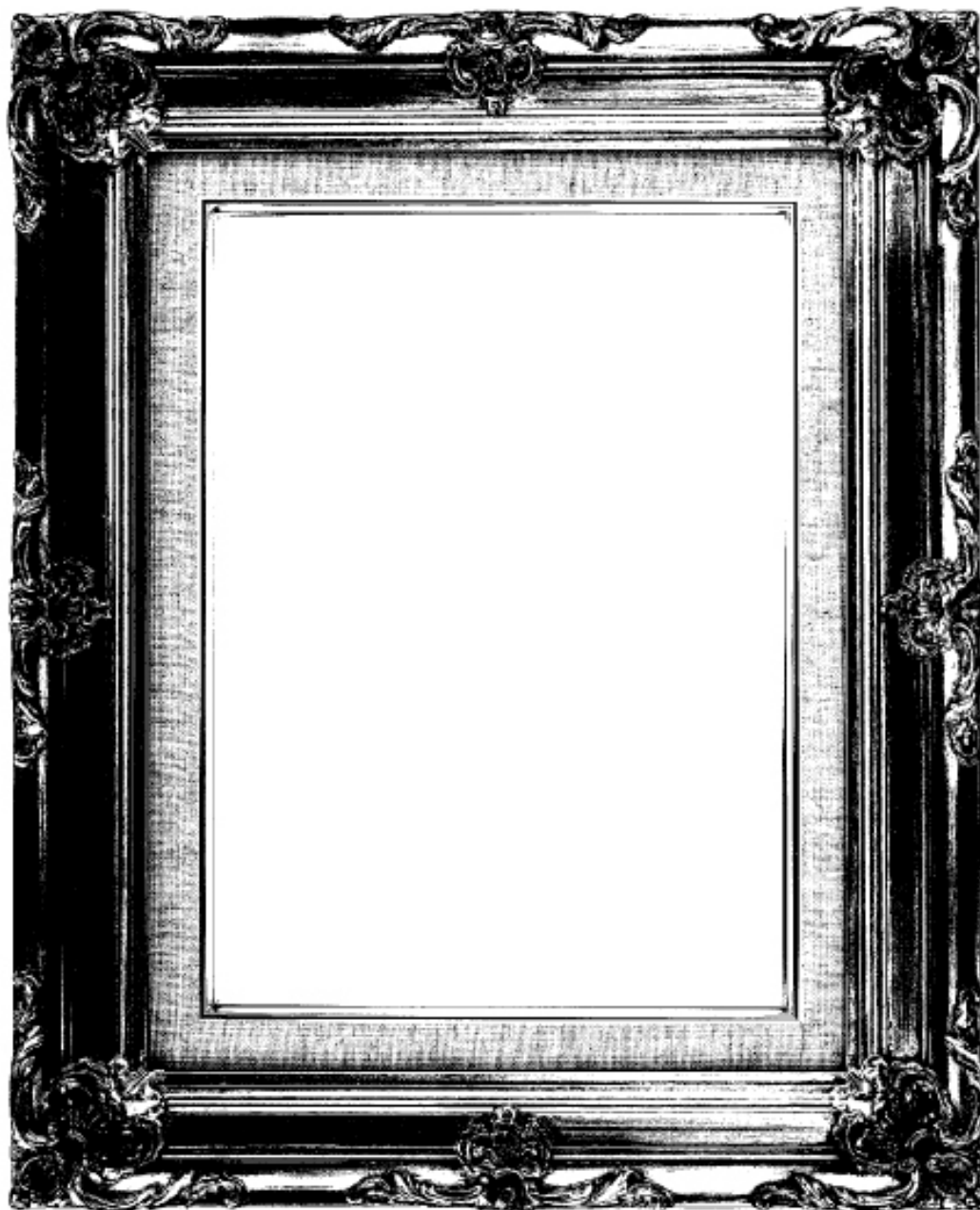
«Это» оказалось старым гобаном¹³, который стоял там, где должен был находиться ребёнок. Моя голова ударилась о разлинованное поле посреди стоящих камней. Чаши, находившиеся рядом с гобаном, опрокинулись, а мои руки, которые летели на уровне головы, вонзились в них. В следующий миг сила, которая толкнула меня между лопаток, дёрнула вверх. Теперь это было похоже на подъёмный кран, который включил лебёдку. Правая рука вцепилась в чашу с камнями, и кран поднял меня вместе с ней. Конструкцию завращало по комнате. Иероглифы, опрокинутая ширма, испуганные глаза женщины. Я не видел только Сигэмото,

¹² Ритуальное самоубийство самурая.

¹³ Утварь для игры в Го, толстый кусок дерева на резных ножках с игровой поверхностью, расчерченной ножом-мечом 19 на 19 линий.

который видимо и был тем краном, который крутил меня, как хотел. В следующий момент я вылетел из комнаты наподобие снаряда, выпущенного из катапульты. Прорвав лёгкие сёдзи, я попал в ещё не разошедшийся сумрак утра. Хлопнувшись обо что-то с огромной высоты, я понял, что это земля. Я уткнулся в неё лбом и вдохнул ртом и ноздрями. Оттолкнувшись от твёрдой каменной поверхности, я последним усилием воли перевернулся на спину и увидел над собой тёмный силуэт. В руках чёрного человека был тяжёлый заострённый камень! Вот и всё, подумалось мне.

– Убийца! – крикнул я из последних сил.

Глава 2

Эликсир бессмертия

*Ki*¹⁴ разбудило сознание с восходом. Ягура-сан открыл глаза и обнаружил себя в спальне. Комната была маленькая и тесная, а сны в ней были большими и глубокими. Старость – удивительное состояние. Тебе дан опыт, а для компенсации – особая старческая немощь. Она по кусочку отбирает то, что было завоёвано такой немыслимой ценой. Именно она отделяет тебя от большинства других людей. Отделяет от тех, у которых многое впереди. Поэтому в старости лучше читать «Хагакурэ»¹⁵, чем бегать по врачам и пить таблетки «для пожилых». Но японские пенсионеры не читают текстов господина Цунэтомо. Они надеются на телевизор и аптеку. Скоро производство «таблеток отсроченной старости» станет основной отраслью японской промышленности, а затем основой японского экспорта.

Ягура-сан немного поворочался в кровати. Нет, его организму больше не хотелось сна. Не было и чувства голода. Ох уж, эти японские пенсионеры! Пить таблетки от галлюцинаций это как пить таблетки от собственного восприятия. Восприятие должно воспринимать! В этом его суть и назначение. Сегодня во сне его снова навещал Учитель. Как таблетка может справиться с этим? Она сделает Учителя невидимым? Для чего? Для того, чтобы Учитель, невидимый при помощи таблетки, подошёл и убил его? Для этого? Учитель и так несколько раз пытался пробраться в его сны незамеченным. Один или два раза в образе матери, а однажды в образе ученицы.

Пожалуй, стоит навестить туалетную комнату. Мочи было немного, но он чувствовал, что она густая и что от неё лучше избавиться поскорее. Для этого нужно было подняться. Ягура-сан вынул из заднего прохода золотую пробочку, положил её в шкатулку в форме дракона и решил дать телу ещё несколько минут, потратив их на медитацию. Его *ki* ждало разрешения. Получив, оно встрепенулось, поднялось из киноварного поля¹⁶ и заструилось на пол. Это оно проснулось раньше старика-хозяина, и именно оно не дало телу спать дольше. В считанные мгновения невидимые струи заполнили дом, первый и второй этажи. Не обнаружив ни посторонних, ни следов посторонних, *ki* попросило разрешение выйти в сад. Запах свежести, соединённый с дыханием огромного города, ворвался в сознание. Дом предстал крошечным островком внутри наполненного тугим эфиром океана. Огромного, беспредельного, пугающего. Отделённого от сознания лишь тончайшей мембраной. Эта мембрана и была его жизнь!

Ягура-сан внимательно осмотрел её, ещё раз подивившись тому, насколько она тонка и эластична. Нет, не совсем эластична! Мембрану покрывали многочисленные пятнышки хрупкости. Многочисленные раковинки, напоминающие возрастной пигмент на коже японского старика. И с ними, с этими пятнышками, так просто не справиться, не покрыть кремом *Shiseido*, который бы размягчил их и сделал менее заметными. Китайцы назвали бы такой крем эликсиром бессмертия. Они всегда были слишком высокопарны, эти китайцы!

Ягура-сан улыбнулся, и его *ki*, истончившись в миллионы раз, выпрыгнуло с острова Хонсю, и, перелетев море, оказалось на континенте. Он тихонечко искал им своих китайских друзей, стараясь быть чутким и незаметным. Он не хотел без нужды бросать взгляд в зону, наполненную чужим вниманием. Ведь сегодня у него не было необходимости делать это. Он вспомнил лишь китайское название эликсира и нашёл красивую метафору.

¹⁴ Ученики Ягуры-сэнся слышали от него о восьми видах *ki*.

¹⁵ «Сокрытое в листве» – мистическое японское произведение, ставшее основой «Кодекса Бусидо», автор основного текста Минамото Цунэтомо.

¹⁶ Один из энергетических центров человека.

Ki передало сигнал. Китайские товарищи были живы. «Всё совершается как надо, и ничего не происходит иначе, как по намеченному плану». Он не смог отказать себе в удовольствии прочесть эти строки. Какой совершенный язык! Как можно не полюбоваться им? Таким чужим, таким запредельным, таким непреклонно сильным! Подобным языком должны говорить повелители Вселенной, а не торговцы и ремесленники. И в тот момент, когда язык начал оказывать своё действие, за триллионную долю секунды Ягура *ki* вернуться, и оно последовало за его чутким духом. Вот оно в саду. Вот в комнате. А вот внутри киноварного поля. Ягура-сан закончил утреннюю медитацию. Он приказал телу покинуть постель, и оно по-стариковски шаркая ногами, направилось в туалет.

Главное достижение японской цивилизации не в языке. А в том, что мы создали толчок с подогревом. Ни одна мировая культура даже не приблизилась к этому! Утвердившись на тёплом круге, он напомнил себе старый комплект Го. Подобно довоенному гобану его тело потрескалось и усохло, а «ножки» готовы вывалиться из своих пазов. Продолжая улыбаться сравнению, Ягура-сан не скоро покинул туалетную комнату. А вернувшись, заварил чай, и сейчас пил его, сидя на складном стуле. Сегодня он сделает три заварки. Первую чашку потратит на тело. Вторую – на ум. Он продумает некоторые детали дня. Сегодня важная встреча. Он назначил её своей ученице. Поскольку это его ученица, Ягура-сан назначил место, устраивающее лично его. Это решение он принял вчера. Перед сном. Выбирая из двух учениц, он остановился на Митико. Ягура-сан отправил ей два коротких сообщения: «Кокё», «полдень».

Кокё – дворец Императора, который находится в самом сердце Токио. Парк открыт для платного посещения до вечера. Ягура-сан будет ждать Митико на любимой скамейке, расположенной в верхней части. Митико знает это место. Это предпоследняя скамейка перед калиткой в закрытую область. Последняя скамейка ему нравится больше. Но он сознательно избегает её, так как это может выглядеть намеренно. Митико придёт раньше? Эта девочка даже теперь продолжала волновать его. А ведь прошло уже восемь лет после их первой встречи. Чего только не случилось за эти восемь лет!

Третья заварка стала вершиной утра. Допив, он поднёс пустую чашку к лицу и долго вдыхал *ki* заваренного листа. Лишь когда *ki* чая полностью истощилось, соединившись с его *ki*, и остался запах чайного листа, Ягура-сан закончил чаепитие и поставил чашку на столик. «Восемь лет!» – повторил он вслух, и вздрогнул от неожиданности собственного голоса.

Тикатэцу¹⁷ – лучший способ перемещаться по Токио. И что приятно – недорого. Это особенно важно для такого пожилого пенсионера, как Ягура-сан. Сейчас около десяти утра, поток офисных работников немного спал, и в вагонах есть свободные места. Ягура-сан доедет до Токио-Эки, а оставшееся расстояние пройдёт пешком. Это решение духа. Во-первых, не очень далеко. А, во-вторых, он, действительно, хочет пройти этот путь своими ногами. Аруйт-эмасу¹⁸, как говорят токийцы. Пожилые таксисты посматривали из своих длинных машин, но он не помахал им тростью и никак не прореагировал на их внимание. Проходящие мимо люди были препоручены сторожевому зрению, а мысли Ягуры были далеко. Митико получит сегодня важное поручение. Ей предстоит поехать в Россию.

Воспоминание об этой стране иголкой кольнуло изнутри и небольшой гримасой отразилось на маске лица. Какая ужасная, страшная страна! Какое несчастье, что судьба Японии по-прежнему связана с ней. Взять хотя бы проблему северных территорий. Идиоты в парламенте считают, что проблема именно в них. А проблема в том, что благодаря нерешённому территориальному спору, Япония обязана поддерживать с Россией постоянную и бессмысленную коммуникацию. Дух сделал неуловимое движение, и Ягура-сан увидел, какой огромной скалой нависает Россия над его маленькой страной. Эта ужасная тень отравляет всё северо-

¹⁷ Метро.

¹⁸ Пешком.

западное направление. Дух пронёсся через дикие и неосвоенные пространства. Сибирь, Уральский хребет, Казань, Москва, Ленинград. Ягура снова оказался в маленьком русском городе. «Егорушка!» – услышал он далёкий и почти забытый голос. «Опять не спится?» – женщина обнимает его и прижимает к груди. Почему там всё такое огромное? Грудь, ноги, кулаки, расстояния?

Россия представилась ему мрачным гигантом, который ворочается совсем рядом с его страной. Этот гигант ещё спит. Он спит в огромном бараке. Но когда-нибудь он проснётся. Он обязательно проснётся, и обязательно захочет выйти из своего жилища! Гигант не умеет говорить, но уверен, что все вокруг должны понимать его мычание. Воображение понеслось с невероятной скоростью. Ягура-сан увидел, как гигант шарит рукой в темноте, находит кружку и понимает, что она пуста. Он ищет папиросу, но все папиросы выкурены. Мрачный человек поднимается и выходит наружу. У него большое лошадиное лицо. Мощная челюсть. Ягура-сан слышит его сильную струю. У него ощущение, что эта струя направлена прямо в него! Эта струя очень долгая, у японцев не бывает такой долгой и мощной струи.

Уже в молодости Ягура-сан, чтобы произвести даже небольшую струйку должен был настраивать себя мысленно. Он обязан был представлять, что в туалетной комнате можно не торопиться, что никто не войдёт, что комната заперта. Никто не ожидает снаружи и не следит за тем, что он делает здесь так долго. Уже гораздо позже Ягура-сан нашёл простую и эффективную формулу. Он назвал её «десять тысяч иен». Как только он представлял сумму как свою собственность, моча начинала неспешный разбег. У него всегда было так, поэтому он не мог справить нужду в тех условиях, в которых её справляют эти гиганты. Ягура-сан вздрогнул от воспоминания грязной длинной канавы. Он увидел доски, перекинутые через неё. Перед канавой стоят люди. Некоторые из них ожидают своей очереди, а некоторые – вообще не знают такого понятия. Канавка заполнена испражнениями этих людей. Ягура-сан услышал чавкающий звук. Едва услышав его, он оказался там. На этих досках. Вот он сидит, пугливо озираясь по сторонам. На него смотрят люди с лошадиными лицами. Они ожидают своей очереди. Они бы давно уже «прошли», если бы поток опять не застопорил «чурка». Чурка – это он, Ягура-сан.

Воспоминание-видение настолько взволновало дух, что Ягура снял с переносицы очки и начал очищать их круглые толстые стёкла. Протерев, он убрал очки в маленький золотой футляр. Хорошо, что он так быстро попросил дух вернуться! Он отозвал его назад, так как инструкция для Митико не составлена до конца.

– Коннитива, сэнсэй!¹⁹

– Коннитива, Митико.

– Как Ваше здоровье, Учитель?

– В порядке, спасибо. А как твоё?

– Что станет с моим здоровьем? Я мало забочусь о нём! Мои мысли больше занимает то, что я узнаю от Вас.

Как хорошо, что он Учитель этой девочки. Ягура-сан оглядел её изящную фигурку. На Митико был костюм с шортами, серо-стальные колготки и чёрные закрытые туфли. В ней было много сильной и чистой *ki*. Именно за эту редкую энергию он выбрал её в ути-носэйто²⁰. Он посмотрел на высокое лицо с огромными глазами и вспомнил как он пил эту энергию, прильнув губами к лону. Этому приёму научил его Учитель, который утверждал, что моча девственниц – один из лучших эликсиров жизни и молодости. В следующее мгновение внутренний экран Ягуры разделился на два, и он с удовольствием посмотрел по одному из них, как он пьёт утреннюю росу Митико, а по другому – на тело Учителя. Он разложил его на камнях. Так, чтобы на каждый камень приходилась одна часть Учителя. Пятёрка плотных и пятёрка полых органов

¹⁹ Добрый день, учитель!

²⁰ Домашний ученик.

были поделены ещё на пять частей. Эти пятёрки были особенно важны, так как именно они питали Учителя энергией. Всеми необходимыми «видами *qi*²¹». Ягура-сан увидел себя с окровавленным ножом. А также Учителя, превратившегося в набор небольших красных кусочков.

Он свернул первый экран, и продолжил смотреть на голого японского юношу. Маленький член юноши стоял торчком. Ягура-сан никогда не обольщался по поводу твёрдости своего члена. Такой член не был предназначен для штурмовок вражеских укреплений. Такой член был плохо предназначен даже для того, чтобы писать. Лишь негибемый дух Ягуры научил его отдавать мочу. Он научил свой член также, как научил своё тело и ум. Это он научил свой ум собираться. Он сам! Учитель только намекнул ему, что это возможно. А всё остальное ему пришлось делать одному! Он научил свой ум собираться в маленькое тёмное пятнышко. Сначала это пятнышко было лишь тёмным пятнышком. Но позже ум разобрался, как проникать через него. Это было важное открытие, которое заняло годы. Для того, чтобы выйти, нужно что-то оставить. Он научился оставлять, и вслед за этим научился выходить. Выход из пятнышка был подобен вырывающейся из тоннеля струе. В этот момент Ягура-сан испытывал наслаждение, сравнимое лишь с правильным мочеиспусканием. Наслаждение и торжество! Никто из обычных людей не умеет мочиться правильным образом. Они справляют нужду без внимания, и «важные *qi*» вымываются вместе с уриной. Именно поэтому людям не накопить столько энергии, сколько накопили он и Учитель. Ведь только Ягура, один из трёх учеников, пошёл за Учителем и остался с ним до конца. Один из трёх!

На первом экране появился Харбинский технологический институт. Ягура-сан был здесь японским студентом. А вот его друзья – китаец и русский. Для постороннего наблюдателя это была странная дружба. В период величия Империи Ягура-сан не чурался дружбой с иностранцами, как делали это другие японские студенты. Он признавал за своими иностранными друзьями ум и интерес к знаниям, помогал им и оказывал внимание. Учитель жил бедно. Они познакомились в парке на Фэн Доу Лу. Русские называли этот район Мадзиговкой по названию маленькой зловонной речки, протекающей по одной из сторон парка. Экран сначала показал странный четырёхугольный парк, а затем день, когда всё оборвалось. Ещё накануне поползли нелепые слухи о скором приходе советских. Откуда взялись советские? Ведь радио сообщало об успехах японских войск! Наши лётчики и моряки громили американский флот, а на суше случилось что-то внезапное, тревожное и необратимое. Утром японцы начали покидать город. Ягура-сан увидел вмиг повзрослевшие лица своих сокурсников, а затем – танки с красными звёздами. Танки даже сейчас выглядели огромными. А тогда он совсем не ожидал, что боевые машины могут быть такими большими и ужасными. В них ощущалась уверенность матёрого хищника. Эти машины умели убивать, и они уже успели убить своих врагов. Смертный ужас раздавленных противников висел на их громыхающих гусеницах, читался в каждой вещи, притороченной к броне. Танки казались выше домов, и Ягура-сан понял, что его жизнь изменилась.

Пару десятилетий назад он специально взял экскурсию в Харбин, чтобы посмотреть на места своей юности. Группа японских пенсионеров напомнила ему группу японских солдат периода войны. Маленького роста, увешенные фотокамерами и рюкзаками, японцы смотрелись довольно беззащитно среди огромного города, выросшего на берегу Сунгари. Мы всё такие же пехотинцы, как и тогда, подумалось ему. Их повели на башню Дракона, которую китайцы построили неожиданно и быстро. Откуда у китайцев столько денег? – думал он тогда, разглядывая город через прозрачный пол смотровой. Здесь с трёхсотметровой высоты Ягура-сан не узнал местность. Харбин перестал быть русским городом! Он с удивлением смотрел на поля для гольфа, на новые районы, построенные на месте русских кладбищ. На месте одного из них располагался огромный парк аттракционов и аквапарк. Вон там река. Набережная Ста-

²¹ Читается «ци».

лина. Он всмотрелся вдаль, но не увидел скульптуру Вождя русских народов. Японское сердце сладко ёкнуло, неужели китайцы догадались её снести? Надо будет навести справки, подумал он.

При выходе со смотровой галереи вдоль стен коридора торговцы организовали выставку камней на подносе. Надо же так исказить древнее искусство! Президент японского общества ценителей сюэки²² – друг Ягуры. Пока члены японской группы щёлкали затворами фотоаппаратов, пытаясь поймать не только камень, но и его китайскую цену, Ягура-сан ещё раз подивился кичливости и грубости харбинских ремесленников. Камни были слишком крупны, слишком вызывающи. Они не создавали ощущения горной страны, в которую должен попасть зритель сюэки. Вместо этого созерцающий попадал в китайский Диснейленд. А китайский Диснейленд – это место, где могут находиться только китайцы.

На втором экране молодой Ягура собрал камни. Теперь, после того, как каждый из них наполнился кровью и *qi* Учителя, комплект стал совершенным. Камни стали живыми. Не просто живыми! Они стали Учителем, а Учитель став камнями, получил то, что хотел получить всегда – вечную жизнь. Разве не о вечной жизни он рассказывал своим ученикам? Это слышали все, и Володя, и У. Ягура-сан ещё раз посмотрел на себя, собирающего камни. Он собрал их по цветам, и бережно положил в кожу Учителя. Получились два узелка. Два странных красных узелка. Ягура-сан подошёл к берегу и опустил узелки в воду.

– Вы о чём-то думаете, сэнсэй? У меня вопрос. Можно?

– Конечно.

– Что такое Хаос, сэнсэй?

– Это греческое слово, Митико-тян. С точки зрения людей Запада Хаос входит в состав формулы Человека.

– А что ещё входит в состав формулы Человека?

Ягура-сан взглянул на экран. Кусочки Учителя ещё лежали на земле. Сейчас формулу человека исследовали чёрные мухи. Созданная неведомыми людям и мухам силами она была надёжно защищена и невидима для них. Ведь и мухи и люди смертны. Не правда ли? Он перевёл взгляд с экрана на Митико.

– Входят элементы порядка, зоны хаоса, области жизни. Несколько узлов Дома Смерти. Последние скрыты. Точное их расположение неизвестно. Поэтому с ними нужно особенно долго возиться. Но всё равно всех частей формулы не знает никто!

– Даже Вы?

– Даже я, Митико.

– А почему даже Вы?

– Может быть потому, что формулу человека придумал не я?

Ягура-сан не хотел больше смотреть на экран. Там показывали то, что он видел десятки раз. Он не нашёл того, что искал. Да, остались камни. Но повторить комплект также невозможно, как собрать Учителя из тех кусочков, на которые его пришлось разделить. Почему он может разделить, но не может собрать? Он может, например, разделить Митико. Вот она стоит перед ним, и он может разделить её прямо сегодня. Он открыл экран, на котором белое тонкое тело Митико было приготовлено к разделению.

– Логично. А кто? – спросила Митико.

Но сможет ли он собрать? Восстановить её из кусочков после того, как разделит? Ведь если в нём есть устройства, с помощью которых он может соединить человека с Домом Смерти, то почему в нём нет устройств, которые могут соединить с Домом Жизни? Ягура-сан задумался.

– Может быть, ты? Или твои подружки с Гинзы?

²² Камень на подносе.

– Ха-ха-ха. Вы опять смеётесь, сэнсэй!

А ведь есть такие устройства! Ягура-сан вспомнил про свой маленький член. Он может быть введён в лоно Митико, и чисто теоретически способен породить в ней новую жизнь. И если эта новая жизнь получится женского рода, то вырастет новая Митико. Точная, а возможно даже, улучшенная копия предыдущей!

– А почему нет? А может быть, это правда, что человека придумали на Гинзе? Может быть в магазине Микимото? А? Ты любишь заходить в него?

Митико фыркнула. Только пожилые японцы могут считать магазин Микимото крутым. Сейчас ей пришла в голову мысль, что её сэнсэй очень стар. Она запомнила её.

– У Хаоса много слуг, Митико. Одна из слуг зовётся Суета. Суета – из высоких иерархий этого Дома. Однако она прячется, камуфлируется под Жизнь. Суета говорит людям: смотрите, вот я и есть Жизнь. Принимайте меня или вы не принимаете Жизнь! Ловко, да? Япония страна Амагэрасу, Митико, но в Японии стало много суеты.

– Как мы, японцы, можем быть над суетой, сэнсэй?

– Го сначала учит смотреть. Верно? Суету надо увидеть, Митико. Понимаешь, о чём я? Суета невидима для обычного человека. Человек не владеет собой, не является хатамото²³. Поэтому суета сама становится хатамото и начинает владеть человеком.

– А как же тогда человек обучается Мастерству?

– Человек не может овладеть Мастерством, не видя его. Мастерство передаётся от сердца к сердцу. Это не массовая технология, Митико-сан. Ведь обычное человеческое сердце холодно. Кокоро гацумэтай²⁴, Митико-сан. Ты никогда не слышала об этом?

– Моё сердце другое, сэнсэй! Таким сделали его Вы!

– Конечно. Ведь ты сэйто²⁵. Сердце сэйто не должно быть холодно!

Секунду Митико переваривала услышанное. Как много ей ещё предстоит понять и узнать!

– Давно хотела спросить, ученик сам определяет время своего ученичества?

Ягура-сан снова взглянул на экран. Тонкое белое тело Митико по-прежнему находилось на разделочном столе. Жаль, что Митико не может смотреть вместе с ним, подумал он. Её бы заинтересовал такой опыт. Возможно, ошибка коренилась в том, что он был вынужден сначала убить Учителя. Душа успела покинуть тело, и находилась в стороне от происходящего. Но Учитель вряд ли бы согласился на другие условия. А завлечь его обманом или силой было невозможно. Исследовать Митико, удерживая её душу в теле, была интересная идея, которая раньше не приходила ему в голову. Ягура-сан даже представил себе особенный комплект. Комплект, который бы не только являлся Митико, но и возможно стал бы прибежищем для её души. Сэйто! Он бы назвал этот комплект «сэйто». Как жаль, что ему придётся отправить Митико в Россию! Если бы не это обстоятельство, то он бы взялся за изготовление такого комплекта в самое ближайшее время.

– И да, и нет. Он же только Ученик. Ученик ещё не принадлежит себе, так как не владеет высшими *ki*. Сэйто в наше время – это самурай. Самурай, но не хатамото!

Они помолчали. Ягура-сан пребывал в задумчивости. Митико поймала на себе взгляд, который показался ей странным. Но в нём было столько внимания, столько интереса к её персоне, что юное сердце застучало. Она огляделась по сторонам, чтобы успокоить его. Скамейка стояла под старыми тенистыми деревьями. Эти деревья были здесь ещё тогда, когда замка Эдо не существовало в проекте.

– Я хочу попросить тебя сделать одно дело, Митико.

²³ Знаменосец.

²⁴ Сердце холодно.

²⁵ Ученик.

Девушка резко оглянулась. Как давно она ждала этого дня! Сэнсэй делает ей предложение, и это предложение может стать самым интересным в её опыте! Она не ошибалась, создание комплекта «Сэйто» могло в корне изменить течение её жизни. Ягура-сан медлил. Сейчас ему совсем не хотелось думать о России. Новая идея, пришедшая к нему сегодня, была необыкновенно притягательна, а главное – касалась интереснейшей темы. Старый самурай оказался парализован силой, превышающей его собственную. Он чувствовал себя школьником, мальчишкой, который имеет шанс совершить нечто такое, на что имеют право лишь взрослые. Родители уехали, и квартира неожиданно стала свободной. Более того, есть кого в неё пригласить. Он не успел додумать, почувствовав странное шевеление. Маленький Ягура-сан задвинулся в его брюках и голосовал за продолжение эксперимента!

– Какое, сэнсэй?

«Какое?» – спросил себя Ягура-сан. Что он должен ответить Митико? Попросить её быстро собраться и, заметя следы, исчезнуть с ним? Он представил их, мчащихся на Север. Поезд неотвратно несётся вперёд и даёт время заранее насладиться тем, что последует. За шесть часов дороги Ягура-сан успеет несколько раз пережить предстоящее, а потом он ещё и совершит его. Он будет наслаждаться каждым мигом! Каждое мгновение станет входом и одновременно выходом. И этих входов будет много! Он увидел, как может действовать в этот раз. Он увидел, как будет поддерживать, продлевать жизнь, исследуя её часть за частью, кусочек за кусочком. Как будет касаться кожей потока. Как соединившись с чужой жизнью, будет совершать повороты, несясь с головокружительной скоростью. И это биение будет совпадать с Дао, пронизывающим живое своими всепроникающими лучами. Боль, соединённая с чужим и его восприятием создадут великолепную триаду, и этой триадой будет руководить он. И только он! Ягура-сан взмок. Он достал носовой платок и дрожащей рукой вытер со лба.

– Что с Вами, сэнсэй? Вы не здоровы?

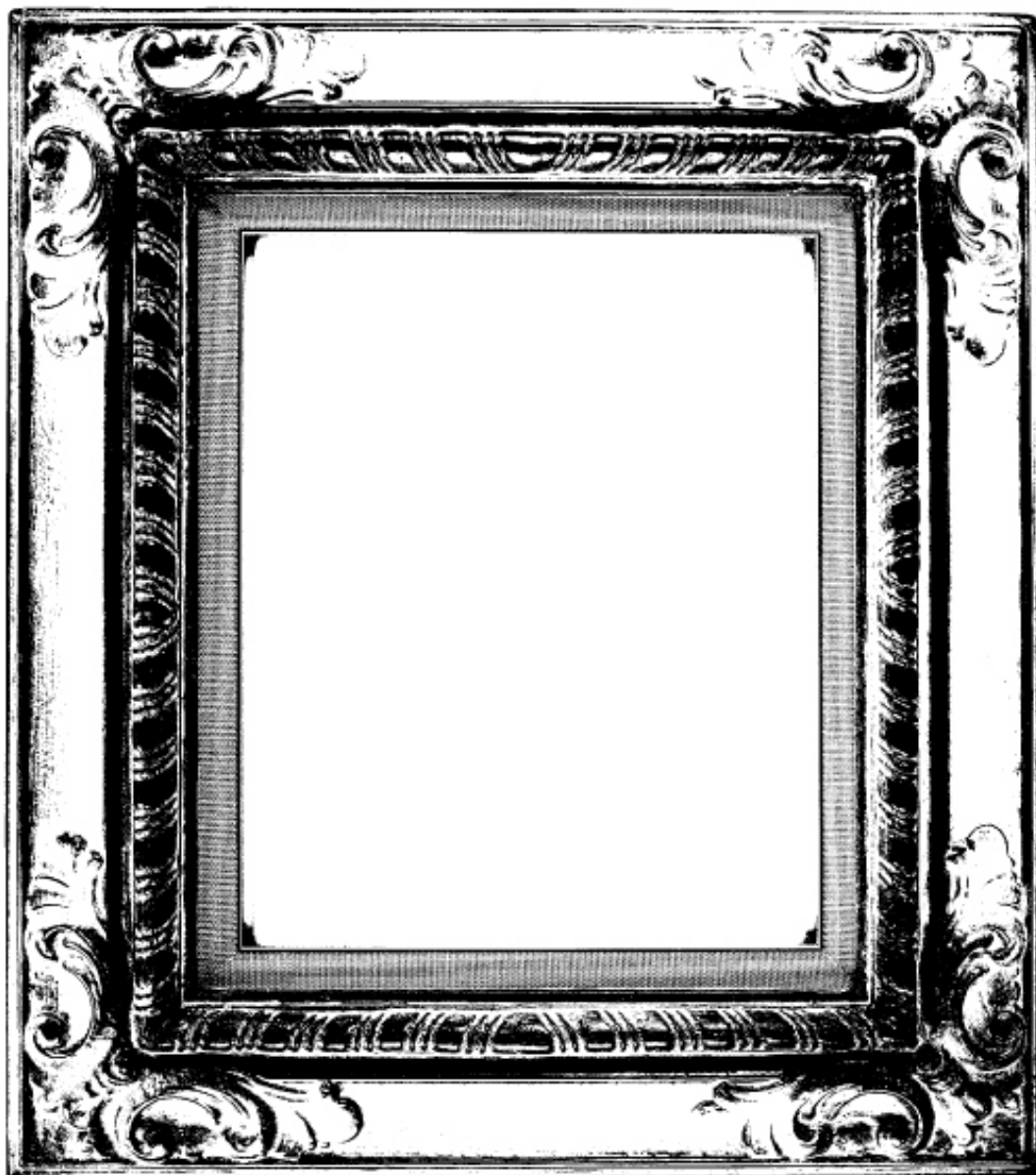
– Нет, нет, Митико, со мной всё в порядке. Сегодня прекрасный, прекрасный день!

Да, сегодня прекрасный день. Так говорили ушедшие на волнах Божественного потока. Но *miti*²⁶ этого дня пролегает через Россия-нокуни²⁷. И он должен отдаться его *miti*. И если он, Ягура, сегодня упустит или недоглядит что-то, что имеет отношение к этому уровню, то это может стать роковой помехой всему стратегическому плану. Камень ничто, *miti* игры стоит ста камней. И он не может жертвовать Игрой! Ягура-сан повернулся лицом к Митико, и голосом отдающим команду, произнёс в её распахнутые глаза:

– Ты должна поехать в Россию и разыскать одного человека!

²⁶ Учение, путь.

²⁷ Страну Россию.

Глава 3

Человек с камнем

– Убийца? – спросил тёмный человек странным и до боли знакомым голосом. – Раньше ты называл меня по-другому. Он продолжал держать плиту в руках, а затем аккуратно положил её на груды таких же камней. Он улыбался так, как мог улыбаться только один человек на Земле.

– Учитель! – простонал я.

Учитель спрыгнул и подхватил меня под плечи. Он взял оба рюкзака, и следил, чтобы я не упал по дороге. Переход потребовал около десяти минут. Мои колени тряслись, и общее состояние было тягостным. В запасном укрытии Учитель достал термос и налил горячего пряного напитка. Мы находились в небольшом гроте с другой стороны скалы.

– Ты должен выпить это. Вернувшийся из Дома Смерти уязвим! – прокомментировал он.

Я доверчиво потянулся к крышке, но в моём кулаке были камни, которые я инстинктивно схватил, барахтаясь в каменной щели. Усмехнувшись, я разжал кулак, чтобы выбросить их. Учитель неожиданно перехватил мою руку, и наклонился над ней.

– Молодец, – усмехнулся он. – Я не сомневался в тебе. Есть люди, для которых некоторые поступки настолько естественны, что не подлежат никакому сомнению!

– Какие поступки? – спросил я, глядя, как он пересыпает в платок камешки, вытащенные из моего кулака.

Он внимательно рассматривал камни, и даже понюхал их. Затем, сложив вместе края платка, завязал тугим узлом. Эта процедура напомнила мне «похороны вырванного зуба». Учитель огляделся и сунул узелок в карман рюкзака.

– Какие поступки?! – усмехнулся он. – Есть люди, которые не могут обойтись без того, чтобы не притащить на себе то, что принадлежит не им. А точнее, притащить то, что им совершенно не принадлежит!

– Что ты имеешь в виду? – я понял, что он заново начинает любимую серию намёков на мою учёность и любознательность.

За долгие годы наших отношений он позволял себе шутить на эту тему бессчётное количество раз. Но сегодня его шутка показалась мне особенно неуместной и совершенно не подходящей к ситуации. Что он имеет в виду? Я действительно захватил какие-то камни на полу пещеры. Возможно в приступе асфиксии. А возможно и клаустрофобии. В том, что именно произошло со мной этой ночью, ещё предстояло разобраться с медицинской точки зрения. Учитель наблюдал за мною одним из взглядов оздоровительной группы. «Обидел – погладил, обидел – погладил», вспомнил я не раз слышанный от него принцип.

– Ладно, ладно, – проговорил он примирительно. – Поговорим про эти камни в другой раз!

– Нет! – запротестовал я, – продолжим говорить про них сейчас! Как только разговор доходит до важного, ты ловко переводить стрелки, а продолжений потом не бывает вовсе. Поэтому я прошу тебя прямо сейчас объяснить мне, что ты имел в виду, говоря про меня как про человека, к рукам которого часто прилипает то, что ему не принадлежит!

Я перешёл в одно из состояний, которое называл «сварливый». Рефлексируя, я чувствовал низкую энергетику, но перейти в более высокое состояние моментально не мог. Я боролся с собой и видел, как Учитель незаметно и тонко помогает в этой борьбе.

– Откуда я знаю, где я захватил эти камни? – изрёк я, посмотрев на свои руки.

На левой, в районе безымянного пальца, я увидел сильное рассечение. Странно, что я не заметил его раньше. Кровь запеклась, и её натекло достаточно много.

– Наверное, один из камней свода всё-таки упал в темноте, но я почему-то этого совсем не помню, – неуверенно произнёс я.

Он неожиданно серьёзно отнесся к сказанному. Взяв мою руку, он долго вглядывался в порез, а затем достал небольшой флакончик и, смочив его содержимым тряпочку, начал оттирать запёкшуюся кровь.

– Ерунда, – сказал я, – видимо, камень был небольшой, так как, я чувствую, что кость не переломана. Хорошо, что это левая рука, правая всегда нужнее!

– Другой руки быть и не могло, – прокомментировал Учитель последнюю реплику. – Ведь ты побывал в Доме Смерти, а смерть приходит с левой стороны.

– Почему ты называешь каменную щель, в которой я пролежал полночи, «домом смерти»? – спросил я, не вынимая своей руки из его чутких и внимательных рук.

– Я называю Домом Смерти не ту каменную щель, в которой находилось твоё физическое тело, а то место, в котором находилось твоё осознание, – ответил Учитель.

– А откуда ты знаешь, где находилось моё осознание? И почему ты называешь место, в котором оно якобы находилось, Домом Смерти?

– Потому что мы стреляли твоим осознанием именно туда, – его глаза смотрели на меня пристально и не улыбались.

– Что значит, стреляли? – удивлённо переспросил я.

– Стреляли – это значит, что твоё тело удерживалось с помощью каменной щели и свода, подобно стволу орудия. А осознание вылетело из него подобно снаряду. Расположение каменной щели таково, что осознание, вылетающее из тела, бьёт в Дом Смерти. Для более точного попадания я положил тебе в руку маленький камушек. Помнишь, ты зажал его в правом кулаке? Этот камушек подкорректировал твою траекторию, чтобы ты попал туда, куда мы целились. В какой-то момент, уже находясь в Доме Смерти, ты выпустил этот камушек из своей правой руки. Это было опасно! И я учитывал эту опасность. Но у тебя хватило ресурсов набрать в руку что-то, что не уступало по тяжести первому камню. В свойственной тебе манере перестраховываться, ты набрал в руку даже больше того, что было в ней до этого. Именно поэтому ты и примчался назад быстрее, чем добрался туда. Я рассчитывал на что-то в этом роде и поэтому похвалил тебя за то, что ты не обманул моих надежд. Ты же решил в ответ обидеться и залезть внутрь одного из своих любимых состояний. Говоря языком японского Го, это было одно из изящных учикоми²⁸, выполненное нами ловко и умело!

Услышанное не помещалось в мой ум. Но сейчас он был занят другим. Произнесённое японское слово открыло какую-то форточку. Из этой форточки в моё сознание начали проникать новые, но вместе с тем знакомые образы. Внутри меня что-то зашевелилось.

– Подожди-подожди! – попросил я, – не так быстро. Я хочу вспомнить всё по порядку. После того, как ты ушёл, я долго слушал ночные звуки и меня увлекли сверчки.

– Я никуда не уходил, – ответил он. – Разве я мог оставить твоё тело на поругание диким зверям и туристам?

Я заспорил о том, что помню звук его удаляющихся шагов. А он продолжал настаивать на своей позиции в нескольких метрах от каменной кучи.

– Ведь если бы я ушёл по тропе, то, как бы смог вовремя вернуться и откопать тебя в тот самый момент, когда тебя пора было откапывать?

Эта мысль показалась мне интересной. А ведь действительно, как он мог оказаться вовремя и откопать меня именно в тот момент, когда я пришёл в сознание? Или проснулся, успокоил я сам себя. Вряд ли он мог слышать моё дыхание, в случае если бы реагировал на его учащение.

– А как ты догадался, что меня нужно откопать? – спросил я подозрительно.

²⁸ Вторжение (термин японского Го).

– А что мне было догадываться, – усмехнулся он, – когда твоё осознание влетело сюда с таким стуком? Я думаю, на моём месте любой человек понял бы, что тебя нужно откапывать. Находясь рядом, я тут же принялся за дело, и ты можешь быть уверен в том, что я освободил тебя так быстро, как это было возможно!

Сказав это, Учитель вышел из грота. Он говорил с такой убедительностью, что у меня не было причин сомневаться в его словах. Но всё равно, это никак не подходило для того, чтобы называться объяснением, и не лезло ни в какие ворота. Я слышал, как Учитель мочится на камни. А затем я услышал звуки леса. И увидел, что новый день врывается в меня. Я вышел наружу. Он запахивал куртку. Наши взгляды встретились. Казалось, он говорил мне: «всё происходит именно так, как оно должно происходить. Я не использую тебя в своих интересах. Цели заданы свыше! И нам никуда не деться, не улизнуть. Все перекрёстки очерчены, а звёздные перекрёстки помечены особым светом. И если мы остались живы этой ночью, то всё, что нам остаётся – свободно и красиво шагнуть в новый день. И если этот новый день будет таким же сложным и длинным, как прошедшая ночь, то мы не устанем в нём, не надломимся, не побежим назад, не станем метаться в поисках меньшего или второстепенного».

Не сговариваясь, мы направились в лес. Его наполняли утренние тени от встающего за скалой солнца. Наши ноги шли к источнику, и через несколько минут мы были у него. Я с наслаждением опустил руки в прозрачный мощный поток. Встрепенувшиеся лесные комары не осмелились приблизиться к моему лицу. Я наполнил ладони живой струящейся водой и соединил её с собой. Искрящаяся субстанция вошла внутрь сквозь кожу, волосы, зубы и ладони. Её холод встретился внутри с чем-то горячим и две энергии непротиворечиво соединились. Учитель наполнил стакан и попросил меня выпить его целиком. Я медленно вытянул воду. Появилось ощущение, что вода – единый жидкий кристалл, который перешёл в меня и разошёлся тысячами новых живых кристаллов. Величественные колонны буков возвышались вокруг, а приветливое утреннее солнце золотило огромные пятнистые стволы. Мы сели недалеко от родника. Здесь было обустроенное место. Два толстых коротких бревна и грубый стол между ними. В том, как Учитель расположился на своём бревне, было что-то детское и очень задорное.

– Не хочешь перекусить? – он развязывал брезентовый мешок.

Это была неплохая идея! Здесь надо отметить, что мы редко едим в горах. И никогда не перекусываем утром или днём. Эта традиция установилась давно. Двенадцать лет назад я весьма переживал по этому поводу. Ритм моего пищеварения просто восставал против такого подхода к питанию. Учитель же был неумолим. Он настаивал на том, что принимать пищу в горах днём неправильно, да и не хочется. Удивительно, но постепенно я настолько привык к такому режиму, что входя в лес, уже чувствовал себя сытым. По определению Учителя раньше я передвигался в живой природе с помощью желудка. Желудок вёл меня не только во времени, но и в пространстве. Теперь я понимаю, что отчасти это было так. Более того, я стал наблюдать за некоторыми своими знакомыми, и убедился, что такое «имеет место быть». Один мой знакомый бизнесмен превращал в ресторан любое место, в котором находился. Чем бы он не занимался, разговаривал, слушал, думал, играл, гостевал – всё превращалось им в «приём пищи».

Однажды я сам спустился с гор только для того, чтобы выпить кружку холодного пива. Воспоминание об этом пиве осталось у меня до сих пор. Я был достаточно далеко. В районе Ветреного перевала. Мне так нестерпимо захотелось бочкового пива, что я просто не смог бороться с этим желанием. Через четыре часа я стоял у бочки и держал в руках запотевший полулитровый пластиковый стакан. Я смотрел на него ровно одно мгновение. Я даже не смог себя сдержать. Я выпил залпом. Когда пил, мне было очень приятно. Но через минуту, когда я бросал пластиковый стакан в урну, я спросил себя: «Это всё? Всё что ты хотел?» «Вторую?» – спросила женщина продавец, внимательно разглядывая меня. «Спасибо», – ответил я и ушёл. Удовлетворение этого желания заняло у меня ровно одну минуту. Выпив вожаделенного напитка, я больше не хотел ничего. Ни пива, ни гор, ни чего бы то ни было. В городе

было жарко, стаями ходили отдыхающие. И я брёл вместе с ними, вооружённый своим горным рюкзаком, таким намеренным и бессмысленным здесь.

Но сегодня мой интерес к продуктам, которые выкладывал на стол «командир орудия», не уменьшался. И ведь было на что обратить внимание! Взять хотя бы деревенское сало. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это не просто сало. А блюдо, приготовленное руками человека! Учитель заботливо развернул тряпицу, чтобы было видно, как содержимое густо сдобрено чёрным молотым перцем. Такое сало обычно откусывается одним движением зубов, а его тоненькая, но твёрдая шкурка приятно похрустывает на них. Далее в программе был чёрный хлеб, луковица сладкого крымского лука, свежие молодые огурцы. Надо сказать, что любой продукт, который приносится на природу, уже событие. Но что же тогда говорить об особенных продуктах? Приключения ночи окончательно отступили на второй план, я перебросил через бревно вторую ногу, и развернулся к столу. Моё лицо освещала широкая искренняя улыбка.

– Давай перекусим! – Учитель ещё продолжал ковыряться на дне мешка. – Вот, хотел тебя угостить настоящей «Алуштой».

Я хорошо знал это вино, но не стал говорить ему об этом, чтобы не испортить презентацию. Он достал со дна рюкзака заполненную по самую пробку пластиковую бутылочку.

– Я думаю, что ты не раз пробовал это вино из тех бутылок, что продают в магазине. Но это – совсем другое дело. Это настоящая «Алушта», – он игриво подмигнул мне, доставая пластиковый стаканчик.

– А чем, по-твоему, настоящая «Алушта» отличается от той, которую продают в магазинах? – спросил я, протягивая руку.

– Правильной пропорцией, конечно же. Давай попробуем, почувствуешь сам. За твоё возвращение! – он поднял стакан.

Гост немного удивил меня, но я решил списать это на одну из его шуток. Я понюхал, затем пригубил вино, размазав его языком по нёбу. Вино показалось мне необычно терпким.

– Терпкое! – отметил я.

– Такая и должна быть «Алушта». И терпкость ей придаёт сорт саперави. Его должно быть ровно треть или никак не меньше трети!

Мы поговорили о сортах винограда, выпили вино и съели всё, что Учитель достал из мешка. Только за едой я понял, что действительно проголодался. В городе было раннее утро, а здесь казалось, что прошло полдня. Надо было что-то делать дальше. Спускаться вниз не хотелось. Видимо Учитель был того же мнения. Он предложил прогуляться глубже в заповедник, и я не отказался составить компанию.

– А камни? – неожиданно спросил я, затормозив на лесной дороге. – Камни, которые были в моём кулаке, они остались в гроте?

– А какой ценностью они обладают? – Его вопрос застал меня врасплох. Я и сам не понимал, почему я спросил о них.

– Но ведь ты сам привлёк к ним моё внимание? Наговорил загадок, а теперь спрашиваешь меня, какой ценностью обладают камни?

– Ты ещё скажи, что это я положил их в твой кулак, и зажал его твоими пальцами! – его глаза лучились радостью.

Начинается, подумал я.

– Конечно, ты не клал камни в мой кулак, это была полностью моя инициатива. Я сам привёл тебя в горы, забрался в каменную щель, приказал засыпать камнями, потом сходил с ума от переживаний тесного пространства и грезил от недостатка кислорода. Потом я передал тебе камни, а теперь словно маленький мальчик мучаю своего папу вопросами, надёжно ли он их хранит. – Я хотел завестись, но утро было настолько чудесным, а я был настолько расслаблен, что по-настоящему завестись мне никак не удавалось.

– Помнишь, мы когда-то обсуждали с тобой правила Го?

– Конечно, помню, – в моем голосе не слышалось дружелюбие.

– Пятое правило было о том, как камни снимаются с доски. Мы впервые тогда встретились с таким понятием как ход. Ход, согласно пятому правилу, может состоять из постановки камня своего цвета и снятия камня другого цвета, у которого закончились свободные дыхания. Камень, у которого закончились свободные дыхания, снимается с доски. Ты ещё спросил меня, зачем разделять ход и постановку. Не помнишь?

– Почему не помню? Я пока не жалею о памяти. Я и сейчас думаю, не одно ли это и то же? Зачем усложнять?

От смеха он едва не сложился пополам.

– Действительно, – еле выговорил он сквозь слёзы, – зачем так усложнять! Постановка и снятие, какая разница.

– Конечно разное, – поправил я сам себя, – ход на самом деле может состоять из постановки своего камня и снятия камня противника. Ведь я должен поставить свой камень, а затем вынуть камень противника с того перекрёстка, на котором он оказался окружён. И освободить этот перекрёсток от камня другого цвета. Или даже группу камней противника, – какое-то смутное воспоминание прошло сквозь меня. Я на минуту задумался, постоял неподвижно, а потом двинулся, продолжая начатую мысль, – ... или даже группу камней противника. Ты обычно называешь группу камней отрядом. Если эта группа, отряд, твоим языком, лишена всех своих дыханий, никак не связана с камнями своего цвета, то она удаляется с доски. И... – я почувствовал, что, возможно, делаю научное открытие в теории игры, – это единственный случай до окончания игры, когда мы имеем право прикасаться к чужим камням. Дотрагиваться до них или вообще делать с ними что-либо!

Я уже не был уверен в том, что, произнесённое являлось научным открытием. Скорее всего, это было открытием для меня. А любой человек, знакомый с игрой не понаслышке, наверняка доходит до подобных «открытий». Я незаметно посмотрел на Учителя, пытаюсь определить его реакцию на сказанное. Он перестал смеяться, и казалось, внимательно следит за ходом моих рассуждений. Я не заметил с его стороны желаний высмеять, хотя с моей точки зрения, я подставился с «открытием» довольно сильно.

– А почему ты опять начал про правила Го? – в моём голосе ещё звучала подозрительность.

– Предполагал, что это может помочь тебе.

– Помочь в чём?

– В том, чтобы разобраться в событиях сегодняшней ночи, например.

– А какое отношение события ночи имеют к игре и её правилам?

– А какое отношение к Игре имеешь ты и твоя жизнь?

Я почувствовал, что пропустил удар. Получалось, что я, ратуя за поиск и стяжание целостности, сам постоянно отделял себя и свою жизнь от того способа постижения, который считал генеральным. А что значит «постоянно отделял»? Это значит, что я был именно отделён. И не постоянно, а всегда. И он поймал меня на этом. Я задумался, и какое-то время шёл молча.

Дорога к этому времени несколько раз обогнула небольшие тенистые ущелья и скоро должна была выйти к огромной котловине главного. Вправо отходил поворот, который вёл на спуск. Однако перед тем как нырнуть вниз, перед самым серпантином, дорога взбиралась на поросший соснами бугор. Это была идеальная смотровая площадка. Мы, не сговариваясь, свернули туда.

Если он заговорил про ход, то в этом есть какая-то невидимая логика, рассуждал я. Куда он клонит и что имеет в виду? Процесс размышления сегодня давался мне особенно тяжело. События прошедшей ночи, казалось, перетряхнули всё моё существо. После того как меня

усыпили сверчки я провалился в очень глубокий сон. Я чувствовал его плотную завесу. Но вот что именно это был за сон, я вспомнить не мог. От этого мне было нехорошо. Учитель шёл рядом и изредка поглядывал на меня.

Мы подошли к смотровой. Собственно, никакой смотровой площадки здесь никогда не было. Название этому месту дал я. Лавируя между сосен, здесь можно найти позицию, с которой условно хорошо просматриваются верховья и противоположный борт главного ущелья. Он является отдельным хребтом, который носит очень трогательное название «Жеребёнок». А тёмная вершина слева относится уже к другой горной системе.

– Давно я не смотрел твою спину! Не хочешь показать её?

Сегодня не оставляет в покое, подумал я. Ну что ж, с меня не убудет. Я огляделся по сторонам в поисках ровного местечка. А найдя, с удовольствием опустил животом на горячую сухую хвою, и, прищурился глазами, положил голову на бок. Учитель присел на корточки, и сделал серию поглаживающих движений. Видимо, его больше интересовала левая сторона. Он прошёлся по ней несколько раз, а найдя напряжение в районе лопатки, не колеблясь, засунул туда пальцы.

– Да-да, именно здесь, – промычал я.

– Это связано с твоим сегодняшним сном. Ты, наверное, спал в неудобной позе?

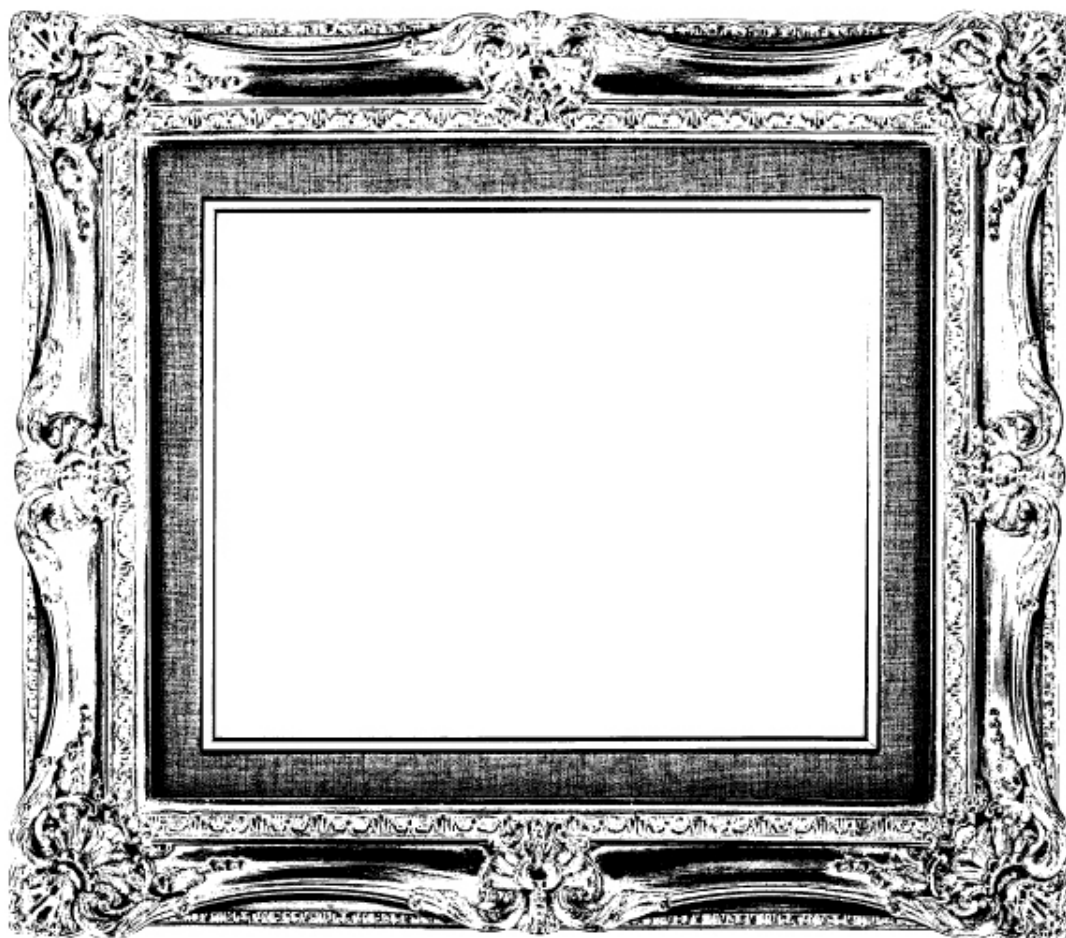
Ещё смеётся, подумал я.

– Я буду тебя чуть-чуть придерживать, а ты по моей команде резко перевернёшься животом вверх.

– А насколько резко я должен перевернуться?

– Переворачивайся через левую сторону настолько резко, насколько сможешь. Но не делай это без команды. Я придерживаю тебя пальцами, почувствуй их давление. Как только я ослаблю нажим, тут же переворачивайся через левую сторону. Это и будет командой. Готов?

Я не стал отвечать, так как был уверен, что он и без слов понял, что я сделаю манёвр так, как он его описал. А сейчас я следил спиной за давлением пальцев. Видимо, он поставил их на какие-то специальные участки. Давление было распределено неравномерно. Я чувствовал вибрацию, идущую вглубь меня. Прошло несколько минут. Я не ослаблял внимания, чтобы не пропустить момент действия. И как только его пальцы оторвались от моей спины, я единым движением перевернулся через левую сторону. Резкое движение, следующее за состоянием неподвижности, вообще-то чревато всякими эффектами. Но такого эффекта я не ожидал совершенно!

Глава 4

Дело сэнсэя Ягуры

- Я хочу попросить тебя сделать одно дело.
- Какое, сэнсэй?
- Ты поедешь в Россию, и разыщешь человека.
- Что от него нужно?
- Выход на наставника. Мне нужен тот, кто учит его Го.
- Получить информацию?

– Найти камни, ученица. Забрать, привезти в Японию. Вот, держи. Это тебе для образца. – Ягура достал небольшой футляр. – Не открывай, это сильнодействующий артефакт! Постарайся не трогать содержимое. Я даю тебе его, так как великие камни способны притягивать друг друга, находясь на расстоянии. Но на ближней дистанции они обладают свойством отталкивать. Поэтому комплект оказался разделён на части. Ты попробуешь помочь мне собрать его воедино. Рассматривай камень аккуратно, не вынимая из чехла. Да, ещё! – Учитель потёр переносицу, – у них может оказаться кожаный гобан.

- Гобан?
- Да, да, гобан из белой кожи! Он гибкий, напоминает кожаный плат.

В задании жило что-то, о чём сэнсэй не решался говорить, и Митико сразу уловила эту скрытую интригу.

- У Вас есть точный план, сэнсэй, или я должна найти Русского сама?

– Ты найдёшь его, это не сложно. Его Учитель – другое дело. Тот крайне осторожен. Я не думаю, что он пользуется сотовой связью или Интернет. Ученик, с которого ты начнёшь, его единственное адзи. Я не могу назвать тебе даже точный регион для твоих поисков. Моё *ki* говорит мне что-то странное. Как такое может быть, а, Митико? Ты должна будешь разобраться в этом. Будь максимально бдительна, этот человек опасен! – «Брови инопланетянина» сдвинулись к переносице, и Ягура-сан прокаркал голосом старого ворона. – Этот человек крайне опасен, Митико! Я хочу второй раз по вторить тебе это. Мы вместе занимались у Учителя. И он получал великие секреты наравне со мной. Но даже я не знаю, сколько Учитель успел передать ему до момента своей смерти!

Митико побледнела. Всё, что касалось сэнсэй-но сэнсэй²⁹, было окутано легендами и являлось запретной темой Школы. Она действительно не ожидала, что поручение, данное ей сегодня, настолько серьёзно.

– Этот человек предал нашего Учителя, Митико! Он предал его дело и меня лично. – Ягура-сан смотрел вдаль, а его губы беззвучно шевелились. – Он предал идеи Вечности и выбрал смерть. Он ушёл от нас, и только я один остался с Учителем до конца. Теперь ты знаешь больше, чем кто-либо в нашем клане!

Воцарилось молчание. Показалась пара гуляющих. Походка, присущая всем иностранцам, создавала впечатление, что люди годами тренировались ходить самым смешным способом. Их ноги вышагивали, поэтому мужчина и женщина ходили на странных искусственных птиц. Дерево, под которым сидели Ягура и Митико, иногда посылало на землю капли влаги. Звук цикад заполнял собой пространство этого старинного леса, окружённого со всех сторон мегаполисом Токио. Полицейский проскрипел велосипедом, совершая обязательный объезд территории. Ученик и учитель покинули скамейку и спустились на уровень ниже. Гигантский фундамент донжона Эдоского замка возвышался слева от них. Он был сложен из гранитных

²⁹ Учитель учителя.

плит, положенных врасклин друг по отношению к другу. Ни одна из виденных Митико европейских крепостей не имела такой сложной и удивительно продуманной кладки. Они подошли к со оружию и, поднявшись на верхнюю площадку, смешались с туристами.

– Говорят, господин Иэясу Токугава играл на этой башне в Го. Это правда, сэнсэй?

– Ота Докан построил первое укрепление, – глаза Учителя заволокла поволока. – Извини, Митико, перемещение во времени требует много энергии, – он откашлялся. – Господин Ота не закончил жизнь по своей воле. Он был красавец! Очень красивый мужчина. А крепость в 1590 году стала официальной резиденцией Иэясу. Тогда же начались и замковые игры. Они были регулярными, вплоть до самой последней, сыгранной за пять лет до реставрации. Лишь один раз, после Великого пожара³⁰, игры приостановили. Тогда же сторела и башня. Да, всё самое хорошее, что можно сделать в Го, было сделано в эпоху Токугава! Эдо стал огромным городом. Гораздо позже стало известно, что его площадь была в три раза больше Рима и в пять раз больше Лондона. Когда после реставрации из Киото переехал Мэйдзи, замок превратился в Императорский дворец. Господин Токугава был великий человек, Митико-сан, но играл крайне редко. Он любил смотреть. Часто ему было достаточно лишь взглянуть на что-либо.

– Не то, что нынешние японские профессионалы. Так, сэнсэй?

– Ты помянула их, чтобы испортить мне настроение от встречи с тобой и башней? А, Митико? – Ягура весело подмигнула девушке. Это была их игра.

– Мне кажется, сэнсэй, что японских профессионалов тяготит какое-то историческое преступление, совершённое их предками. Знающие в Игре тайные тропы, некоторые из них могут до сих пор рассматриваться как неплохие проводники. Го было для них чем-то, чем они наслаждались в тени подземелий. Ловили с его помощью рыбу и ели её сырой!

Этот разговор состоялся днём. От японских профессионалов он незаметно перетёк к русским. Митико хорошо знала их по рассказам сэнсэя. А сейчас, вечером, она знакомилась с их вэб-творчеством, пребывая в зоне русского Интернет. Проходящие по экрану сайты поражали грубостью, аляповатостью и незаконченностью. Сайтов было много, и все они были посвящены японской игре Го. Северные варвары на большинстве своих ресурсов умудрились не только пропустить иероглиф великой игры, но даже писали её название с маленькой буквы и считали лишь логической настольной игрой. Некоторые авторы давали информацию о том, что корни Го лежат в России. Скорость, с которой Митико листала страницы, показалась бы наблюдателю сверхъестественной. Однако это была привычная для неё скорость. Она с детства отличалась быстрым умом. «Умная, как сто китайцев», – говорила о Митико её обасан³¹. А после стольких лет под руководством сэнсэя восприятие Митико только усилилось. Ведь её Учитель был великим человеком!

Русский показался не столько трудным, сколько запутанным языком. В нём не было системы, фразы и предложения строились как угодно. В японском языке каждое слово стоит на своём месте и употребляется в соответствии со значением. У Митико сложилось впечатление, что русские имеют право наделять слова тем смыслом, которым хотят наделить, и ставить их в ту часть предложения, в которую захотят поставить. Особенно ужасными получились японские термины Го, перековерканные до неузнаваемости. Это, скорее всего, объяснялось тем, что японские игроки никогда не приезжали ни в Россию, ни в СССР, а также тем, что русским приходилось переводить через вторые-третьи языки. Таким образом, они стояли в самой конце цепочки смыслов, и транслировали перевёрнутое другими.

Один из ресурсов показался Митико забавным. Несколько русских игроков спорили, с какой буквы писать Го. У одного из них был японский никнейм. Вероятно, русский сам не

³⁰ 1657 год.

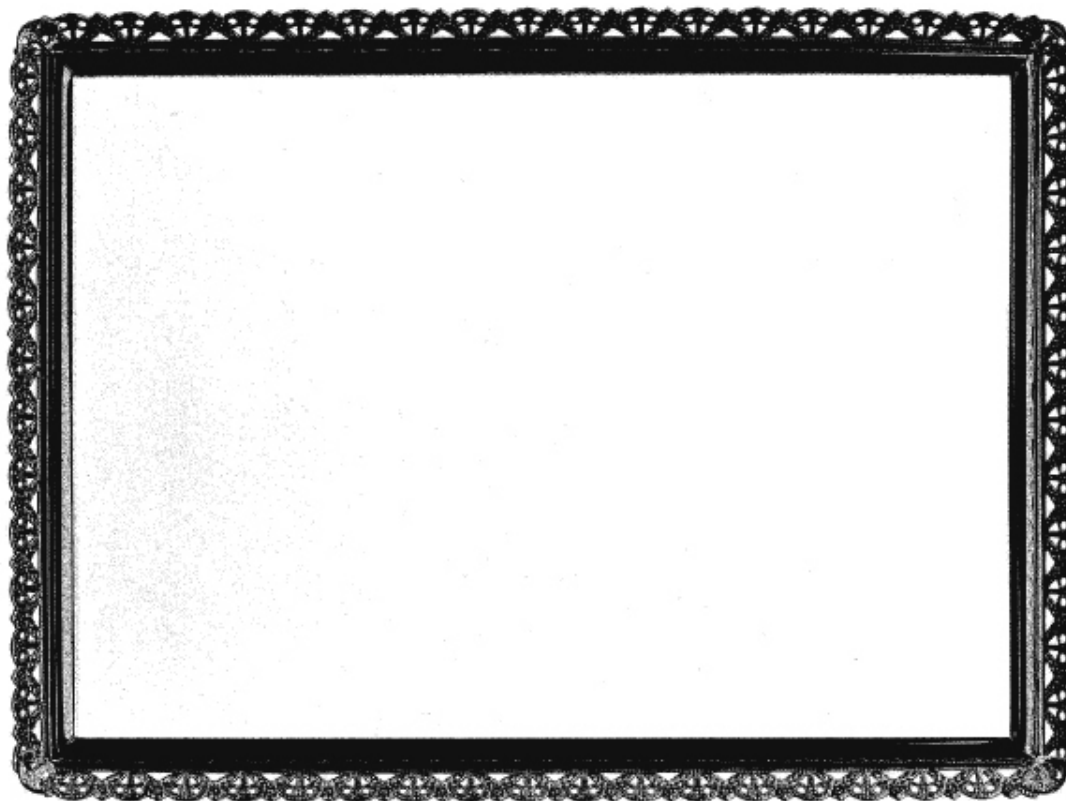
³¹ Бабушка.

знал, что он означает. Митико улыбнулась. Это слово использовалось молодыми японцами как синоним слова «задница». Дискуссия заняла несколько месяцев, но привела лишь к тому, что все разругались со всеми. На другом ресурсе русский игрок размещал свои фото. За несколько лет их накопилось изрядное количество. Подозрительным было то, что на каждом из них он запечатлел себя, смотрящего в объектив камеры. На одном фото он был у ручья, на другом на берегу, на третьем он сидел на парапете. Вот он в тёмных очках, а вот держит в руках шляпу.

На одном сайте обнаружилась легенда о происхождении Го. В соответствии с ней в Го в России играли всегда. Однажды несколько русских игроков играли в лесу (Митико была уверена, что в России всегда холодно), и к ним подошёл японский дровосек (Митико никогда не видела японского дровосека). Что это за игра? – спросил японский дровосек. Никто из русских не отвечал, так как не понимал по-японски. Её соотечественник продолжал спрашивать, пока один из русских не показал ему рукой в сторону леса, и не произнёс «гоу, гоу!» Вернувшись в Японию, дровосек рассказал о новой игре, которая называется «го». Эта история показалась Митико очень странной. В ней содержалась некая загадка, и она даже решила поделиться ею с сэнсэем по возвращении. Митико зашла и на *wiki*, но увидела, что это лишь копипейст с английского с небольшими вставками о Го как виде спорта. Видимо, русское Го связано с чем-то таким, чего я не понимаю, решила Митико. Наконец, она нашла то, ради чего она залезла в эти дебри!

Ноутбук Митико располагался на татами. Её пальцы быстро перебежали по клавишам, напоминая передние лапки богомола. Она внимательно изучала фотографию русского парня, являвшегося первым шагом её задания. Митико была одета в короткую маечку с брительками тёмно-фиолетового цвета. А ещё в комнате находился Микио.

Он был в костюме американского ковбоя.

Глава 5

Katusha

Микио сидел за треугольным рулём тёмно-зелёной *Katusha*. Эта русская красотка была единственной в Токио. Водителю и пассажирам предоставлялись самые современные технологии аудио, видео, скоростного выхода в Интернет 4-Го от фирмы *Yeti ih mat* и специальной телефонии от фирмы *Blak scalp*, а на крыше машины был установлен пластиковый муляж ракетной установки периода мировой войны. Эта опция особенно нравилась Микио и его друзьям, так как муляж мог имитировать запуск реактивных снарядов.

Длинные ноги Микио не годились для спортивных машин. Поэтому кроме стрелки спидометра, он должен был постоянно лицезреть свои коленки в клетчатых твидовых брюках. На них лежал макет пистолета-пулемёта *Tomson*, который в сочетании с американской шляпой, а также с длинным, сде ланным на заказ пальто, придавал Микио схожесть с Джонни Дилинджером, главным героем фильма «Враги общества». Его сыграл американский актёр Джонни Депп. В этом фильме Микио нравилась спрессованная аура героев, в особенности главного. А название, которое в американском прокате звучало как *Public Enemies*, увлекало его своими контекстами. Микио надавил на газ, и *Katusha* взревела красиво поставленным баритоном. Русские постарались придать машине резкий и непохожий голос.

– Сумасшедшая штуковина, Микио! Это просто сумасшедшая херня! – На пассажирском кресле располагался поленький человек небольшого роста, прозванный друзьями «Тошикоротышка». Настоящее имя приятеля Микио знали только два человека в мире – его мама и бабушка. Для них он навсегда остался маленьким и милым «шалуном Тосио». Задача Тоши сейчас заключалась в том, чтобы вертеть головой и высматривать симпатичных японок. Она осложнялась тем, что симпатичные японки встречаются в Токио крайне редко. При очередном перестроении автомат на коленях Микио подпрыгнул и чуть не разбил экран камеры наблюдения *Katusha*.

– Слушай, Тоши, – процедил Микио, не поворачивая голову, – я хочу продать сотовый телефон, поможешь мне в этом?

– Сколько ты хочешь выручить за него, Микио-сан?

– Сколько я хочу выручить? – на один миг Микио отвернулся от дороги и взглянул на своего друга. – Я хочу 5 000 000 иен.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Тоши, – даже ни один из телефонов твоего отца не стоит столько.

– Мой стоит больше, – Микио быстро залез рукой во внутренний карман пальто и, вытащив телефон, бросил его приятелю.

– Ого! – удивился Тоши. – Новая разработка папочкиной фирмы? Я не видел такого в продаже!

– И не увидишь, по крайней мере, год. Я хочу за него 5 000 000 иен. Или 50 000 долларов и ни одним долларом меньше.

– А если отец узнает, Микио-сан?

– Ты плохо знаешь моего отца. Я уверен, они приготовили не меньше десяти моделей. И если отец забыл в кабинете одну из них, то возможно только для того, чтобы такие придурки как мы с тобой продали её китайцам.

– А если он забыл не для этого?

– Если он забыл не для этого, то использует для этого. Ты когда-нибудь играл в Го, Тоши?

– Нет, Микио, никогда.

– Это сразу по тебе видно. В Го есть такая особенная стратегия – ёсу-миру³². Отец, как опытный игрок в Го, наверняка ею владеет. Но тебе этого не понять!

– Я думал, что Го только для пожилых.

– Для пожилых – да. Но и некоторые молодые яппи сейчас склоняются к этой забытой игре.

– И ты?

– Боку мо³³.

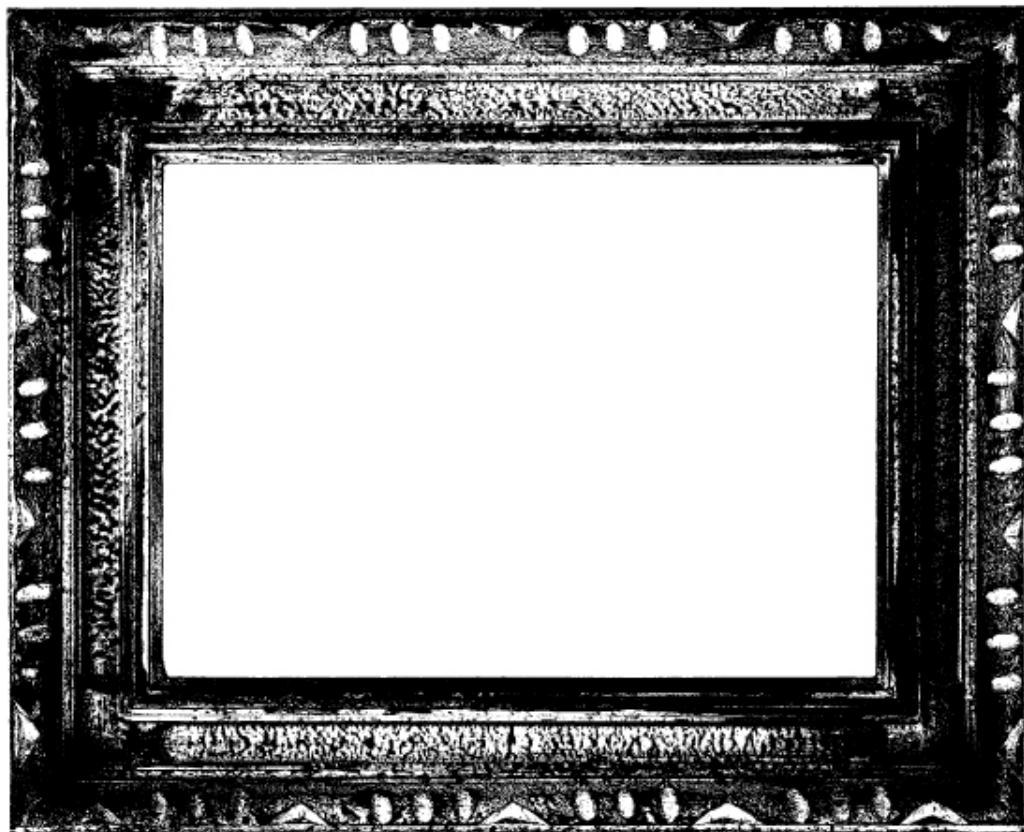
– Ого! А кто научил тебя?

– Этого я тебе рассказать не могу.

– Можешь не рассказывать, я и так догадался.

– Стал, я смотрю, слишком догадлив, – криво усмехнулся Микио, не поворачивая головы от дороги.

Тоши решил не нарываться. У Микио было несколько запретных углов, и его страсть к Митико была одним из них. Митико много вложила в Микио и его воспитание. До встречи с ней, он был обычным шалопаем. Парнем, который мог снимать только уличных девок. В Митико была какая-то загадка. Тоши видел её всего один раз, но у него сложилось впечатление, что она не та, за кого себя выдаёт. Сложная штукавина, одним словом. Тоши ни за что не согласился бы на секс с такой девушкой. Ты решишься с ней на секс, а ночью она отрежет тебе яйца!

³² Термин японского Го дословно означающий «ставлю – смотрю».

³³ Я тоже.

Глава 6

Сигэмото

Резкое движение, следующее за состоянием неподвижности, чревато эффектами. Но такого «эффекта» я не ожидал. Произошло несколько вещей одновременно. Сначала я увидел чёрный силуэт человека. Потом осознал, что человек замахивается на меня чем-то большим и тяжёлым. Затем «это» полетело в мою голову, и если бы я не увернулся, наверняка бы разможило её. Что за ерунда? Зачем ему потребовалось нападать на меня? Я ошарашено хлопал глазами, сидя на земле. Это было *dejà vu*. У меня было полное ощущение того, что это уже было в моей жизни! В следующий момент я вспомнил часть своего сна. Но главное из того, что я вспомнил, был Сигэмото. Мне приснился японский учитель Го, который в итоге напал на меня, а потом чуть не убил!

А скорее всего, убил бы, если бы я не выскочил из сна. Мой русский Учитель перестал нападать и сейчас массировал мою спину быстрыми круговыми движениями, сотрясающими тело. Я сидел на земле, пытаюсь собрать подробности. Массаж меньше всего способствовал этому. Но мне некогда было спорить или сопротивляться. Я только что вспомнил очень важные детали! Я вспомнил, как во сне пришёл в дом Сигэмото. И что со мной был мальчик. Мальчик, которого я привёл в его дом. Я вспоминал мельчайшие тонкости мебелировки и расположения предметов. Жаль, что я был в горах, и не мог записать такого интересного и странного сна!

– Послушай, у меня был очень странный сон! – наверное, таким голосом я разговаривал в детстве.

– Можешь рассказывать, я слушаю, – ответил Учитель голосом родителя.

– Не мог бы ты трясти тише? Мешаешь сосредоточиться!

Как можно подробнее я рассказал, как ночью посетил дом Сигэмото, про палец и щипцы. Теперь это воспоминание настолько прочно сидело внутри, что я опасался, как бы оно не стало навязчивым. Я почти физически ощущал эти ужасные щипцы и то действие, к которому подбил меня японец. Мне было одновременно и жутко и отвратительно!

– Интересно, – прокомментировал Учитель, мысленно созерцая что-то невидимое.

– Что именно?

– Интересно, в какие образы твоё восприятие собрало это событие.

– Событие сна?

– Событие путешествия.

– Какого путешествия?

– Путешествия в Дом Смерти.

– Ты продолжаешь настаивать на своей версии?

– Разве ты не получил подтверждения?

Это было продолжением разговора, начатого в гроте. Надо разобраться со всем этим, сказал я себе.

– Давай поговорим, – начал я, – ты утверждаешь, что прошедшей ночью мы стреляли в Дом Смерти? Так?

– Так.

– Для более точного попадания ты положил мне в руку камушек. Так?

– Разве этого не было?

– Допустим было, но это ещё ничего не доказывает. В самом начале сна я держал камень в руке. Он показался мне увесистым. А потом я не помню никакого камня, так как вёл за руку мальчика. Это был сын главы нашего клана. Вернее того клана, самураем которого я был в сновидении. Так бывает во сне, когда всё неуловимо меняется и находится в состоянии *flexible*.

– Это и был камень.

– В смысле?

– Ребёнок – это камень. Ты должен был поставить его на доску в Доме Смерти. Что ты и сделал правильно и точно. А твоё восприятие, под влиянием только ему известных образов, очеловечило камень и наделило его незабываемыми чертами. Такими как молодость, сосредоточенность, обречённость. Что, в общем, вполне расшифровывается. Это был твой первый камень, наверное, поэтому это был ребёнок, а не старик. Этот камень должен был остаться на доске. Отсюда – обречённость. Сын главы клана – тоже понятно. Так как это была моя постановка.

– Какая постановка?

– Моя постановка в партии с Большим. Я делал свою постановку в этой Игре.

– Ты делал свою постановку?!

– Да, а в чём проблема?

– А кем был я?!

– Ты был собой, кем ты ещё мог быть? Ты был собой и ещё моей рукой.

– Какой рукой?

– Очередь хода или постановки называет «рукой». По-японски – «тэ».

– Ты использовал меня, чтобы сделать постановку?!

– Почему использовал? Это что, не ученическое дело? Ты же утверждал, что ты мой ученик, и что я могу учитывать это при любых обстоятельствах.

– Да! Но ты мог предварительно объяснить мне мою роль?! Как-то заранее подготовить меня!

– Так я и готовил тебя. Может быть, мы понимаем под подготовкой разное? Что ты понимаешь под подготовкой? Разжевать словами будущее действие? Это неплохая схема, но в ней есть одна проблема.

– Какая?

– В полностью разжёванном действии гаснет первоначальное намерение делать. Я поступил более эффективно – полностью подготовил тебя к тому, чтобы ты смог побыть моей рукой. Я выбрал не самую сложную постановку, даже начинающий мог бы догадаться, куда нужно ставить камень.

– В смысле?

– Что в смысле?

– Что ты имеешь в виду под «куда ставить камень»? Ты считаешь, что я поставил его осмысленно?

– Конечно. Может правда и не осмысленно для себя, зато своевременно и точно.

– Откуда ты можешь это знать?

– Как откуда? Я же сказал тебе, что постановка была не очень сложной. Ты должен был поставить камень так, чтобы лишиться последних дыханий и снять с доски пять камней противника. Они были уже под боем, и спасти их было нельзя. Но снять их было важным делом. Если бы ты не снял камни, то мой противник присоединил бы их на следующей постановке к своему отряду. Пять камней были важны, так они разрезали наши силы на доске.

Сказать, что я был потрясён – это не сказать ничего! Хорошенькое дело! Я ещё раз прокрутил в голове те короткие инструкции, которые он дал мне перед закладкой в щель. Особенно меня поражала та легкомысленность, которая касалась камня. Он дал мне его в руку в самый последний момент, и ни единым словом не обмолвился о его важности!

– Я не помню вообще никакой позиции на доске!

– Ясное дело. Позиция сложная, не твоего уровня. Ты бы не разобрался в ней и за год. Поэтому ты даже не воспринял её как позицию. Многие вещи пока скрыты от тебя.

– А как же я мог поставить камень, не видя весь строй камней на доске?

- Но ведь ты поставил его?
- Откуда ты знаешь, что я поставил его точно?
- Но ведь ты принёс пленные камни?
- Какие пленные камни?
- Те, что я вытащил из твоего кулака. Какие же ещё?

Новый разряд потряс изнутри мой ум. На лбу выступил пот. Я был ошеломлён. Но в тот же момент спасительная мысль пришла мне в голову. Это, наконец, включился рассудок. Я перевёл дух. Камни, которые он вынул из моего кулака, были камнями, которые я подобрал на полу пещеры. Таким образом, это первобытная пещерная спекуляция. С её помощью можно облапошить члена племени, но не цивилизованного мыслящего индивида. Мне сильно полегчало, и я улыбнулся. Мне даже не хотелось продолжать. Его теория была цельной и красивой. Разбив её, я мог не оставить ему ничего. Ведь это старый человек. Все годы своей жизни он вложил в то, что сейчас пытается доказать мне.

Я видел разных стариков. Моя научная деятельность покоилась на прочном фундаменте многочисленных сессий с людьми, что-то повидавшими на своём веку. Внезапно я вспомнил пожилого академика, с которым целый вечер говорил про программирование сложных систем. Он страстно верил в свою мечту, но я видел, что его послышки сомнительны. Во время обсуждения он тоже заметил это. Он свернул встречу, попрощался и уехал. Это было грустное воспоминание. Я представил, что меня ожидает повторение той ситуации. Может быть, следует остановиться на этом? Не продолжать? Не просить его показать камни? Ведь это всё равно ни к чему не приведёт. Это никак не изменит ни меня, ни его. Я почти принял решение, но он опередил меня.

- Не хочешь взглянуть на камни, которые ты принёс с собой?
- Ты считаешь, что на них стоит посмотреть?
- Я посмотрел, ты – нет. Собственное зрение – первое с чего надо начинать любое действие.

- Хорошо, – я выжидающе посмотрел на него. – Тогда смотрим? Куда ты их положил?
- Я положил их в твой рюкзак, думал, вдруг ты захочешь на них взглянуть.

Я обыскал пару карманов, и в одном действительно обнаружил платок с камнями. Ещё одно воспоминание пришло мне в голову.

Я вспомнил как однажды в Сиане, столице китайской провинции Шаньси, я зашёл в одну из лавок воскресного антикварного рынка. От пола и до потолка стены лавки были завалены старыми книгами. Продавец встал из-за стола и подошёл встретить потенциального покупателя. Это был старый китаец с длинной белой бородой. Увидев европейца, который почти не говорит на его языке, он решил показать лучшее, что есть у него. Торговец не пытался узнать, что интересует заморского гостя. Он давал сообщение другому миру, проводника которого он встретил. Усадив меня за стол, открыл старый каталог. Перелистывая страницу за страницей, он искал что-то введомое только ему. Найдя, он развернул книгу, и показал серый кружок с иероглифами, под которым был длинный текст. Я кивнул головой. Удостоверившись, что я включился, он полез в стол. Долго открывая и закрывая невидимые ящики, старик достал этот же кружок, выполненный из яркого белого металла. Я взял «это» в руку. Вещь напоминала монету. А может, и была ею. Меня поразила необыкновенная тяжесть и удивительная сохранность этого предмета. А также великолепные каллиграфические иероглифы. Мне не был знаком ни один из них. Я покрутил вещь в руках и осведомился на счёт цены. Старик зашевелился и снова стал показывать строчки в книге-каталоге. Я попросил написать цену на бумажке. Цифра превышала три тысячи американских долларов. Это была невероятная цена! В моей в сумке лежали парные кубки династии Мин, которые я, проторговавшись не менее часа, купил за 60 долларов. Я уже предвкушал, кому в Москве я подарю эти кубки. Но покупать предмет неизвестного мне назначения я не мог. Хотя, странное дело, он до сих пор стоит у

меня перед глазами. Какого он времени? И какое имел назначение? Это так и осталось загадкой. Я вернул «кружок» старику. И прощаясь с ним, задом вышел из лавки.

Я развязал мешочек.

Сделав это, я понял, что назад пути нет. В платке было пять камней. Все они имели вид конусообразных пирамидок. Это была кость. Очень тёмная, очень тяжёлая. Множественные сколы, царапины и трещины казались особыми письменами, которыми сама история говорила с теми, кто держал их в руках. От этих камней-фишек веяло реальной угрозой и ещё чем-то, с чем не хотелось иметь дело. И вместе с этим, в них было нечто притягательное. Что-то такое, чем хотелось обладать.

– Не держи их долго, – он протянул руку за камнями.

– Что это?! – я не пытался сопротивляться.

– Это? – он заворачивал камни-фишки в платок.

– Да.

– Это камни, которые ты притащил с собой. Хорошо, что я сразу положил их в твой рюкзак. Хотя твой рассудок будет сейчас размышлять о том, мог ли я совершить подмену, пока ты пил из родника или перекусывал.

– Не будет.

– Хорошо, тогда мы потратим наше время на что-то другое.

– Как я мог «притащить» эти камни, говоря твоим языком?

– Ты снял их с доски, когда совершал ход.

– Какой ход?

– Ход по постановке своего камня и снятия камней противника.

– Но я не помню, чтобы я совершал ход! Я помню, как упал лицом на гобан. А потом какая-то сила оторвала меня от него. Я мог лишь зацепиться рукой за камни, и они могли случайно остаться в ней.

– Твоё восприятие собрало событие таким образом. Сила, толкнувшая тебя к гобану, и оторвавшая от него – сила времени. Невозможно находиться в Игре больше отведённого интервала. Зависнуть там ты не мог. После постановки и сбора пленных камней тебя вышвырнуло обратно. Так что ты всё сделал правильно.

– Что правильно?

– Что не забыл сделать того, зачем был отправлен. А так же то, что не стал упираться, когда тебя выкидывало в наш мир.

– А в каком мире я был?

– А ты был в своём мире?

– Нет, не в своём.

– Ну, так и назови его «другим» миром. Что в этом сложного?

– «Сложного» в этом то, что я не уверен, что другой мир существует.

– Но ты же был в нём?

– Получается, что был.

– А если был, то тогда что сложного?

Спорить было бесполезно, так как нарушения логики не было. Просто была разная логика. У него – своя, а у меня – своя.

– Твоя непрерывность, – казалось, он прочёл мои мысли, – состоит из слитных и разорванных элементов, а моя – из кусков, связанных слитно и интервально. Целостность по определению больше системы, так как включает в себя и порядок и пятна хаоса.

Про хаос было интересно, но сейчас другое продолжало волновать меня.

– А кто такой Сигэмото? – спросил я.

– Сущность, которую ты наделил именем, – его брови немного поднялись вверх.

– С какой стати Сигэмото – моё имя?

– Имя дало твоё восприятие. Покопайся самостоятельно, и ты найдёшь, откуда оно взялось. Может быть, так звали твоего знакомого японца. Или ты видел это имя в кино.

Имя действительно казалось знакомым. Я задумался, и неожиданно вспомнил. «Мать Сигэмото»! Так назывался роман известного японского писателя. Мне было 17, когда я специально разыскал его в публичной библиотеке на Пушкинской площади. В этом романе описывалась таинственная японская секта. Этой секте приписывались жуткие и немыслимые практики, вплоть до созерцания разложившихся трупов. Существовала особая мистическая книга, текста которой никто не видел. В моём уме вертелось странное словосочетание, звучащее как «мака сикам», но что оно означало, я вспомнить уже не мог. Мне оставалось лишь удивляться тому, как моё подсознание столько лет удерживало в себе эти имена!

– Послушай, а откуда появился порез на моём пальце? – спросил я Учителя после краткого пересказа творения Танидзаки Дзюньитиро.

– Порез – это на самом деле интересно, – улыбнулся он.

– Расскажешь?

– Расскажу, если моя очередь.

– Я прошу тебя!

– Порез, как ни странно, имеет больше отношения к тому, чем мы с тобой занимаемся.

– А чем мы с тобой занимаемся?

– Как чем? – Учитель испытующе посмотрел на меня. Поскольку я был совершенно серьёзен, то он продолжил назидательным тоном. – Я пытаюсь учить тебя, а ты пытаешься быть учеником. Разве не так? – он заговорщицки подмигнул мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.